На дальнем бомбардировщике (Записки штурмана)

Александр Павлович Штепенко

SHOUT
SHARE
IT

- Штепенко Александр Павлович

Штепенко Александр Павлович
На дальнем бомбардировщике (Записки штурмана)

Штепенко Александр Павлович

На дальнем бомбардировщике. Записки штурмана

Ушаков С. Ф.: До войны Штепенко летал в экипаже Героя Советского Союза М. В. Водопьянова. Пожалуй, не было такого места на Севере, от Баренцева моря до побережья Аляски, где бы не побывал экипаж Михаила Васильевича. На сезон 1941 года их базой была определена Игарка, там они и узнали о войне. На следующий же день на своей двухмоторной летающей лодке Водопьянов, Пусэп и Штепенко вылетели в Москву и, благополучно преодолев огромное расстояние над сушей, приводнились на Химкинском водохранилище. А еще через неделю они уже были на авиационном заводе и изучали самолет ТБ-7. 10 августа 1941 года отважный экипаж бомбил Берлин. // Ушаков С. Ф. В интересах всех фронтов.

1

Перрон Северного вокзала. Мы стоим у сибирского голубого экспресса. Вчера, напутствуя нас, Иван Дмитриевич Папанин сказал:

"1941 год для всех нас, полярников, является решающим. В этом году мы завершим атаку, чтобы закрепить окончательную победу человека над суровой арктической природой. Вы, лётчики, наш авангард".

Жена моя, взглянув на неумолимо движущуюся стрелку больших круглых часов, говорит мне:

- Ты же там, Саша, береги себя.

Я вижу, что у неё из левого глаза скатилась большая слеза.

- Ты конкретнее говори, как беречь себя и когда беречь, а то общие пожелания не запоминаются.

- Закрывай шею шарфом, и не рискуйте сильно. И в тумане не летайте, - и из правого глаза жены скатилась вторая слеза.

- Вот ты больше десяти раз провожаешь меня с этого вокзала. И столько же раз встречаешь. Ведь знаешь, что вернусь благополучно, а каждый раз почему-то плачешь. Тебе не стыдно людей?

- Да, плачу и буду плакать. И людей не стыдно. Подумаешь, все плачут, и никому до нас нет дела.

Два резких звонка, один крепкий поцелуй, и экспресс

медленно трогается. Поезд набирает скорость. На перроне толпятся люди и машут платками и шляпами.

Густыми лесами, по необозримым степям, через большие и маленькие реки, между озёр и гор поезд уносит нас на восток. Часами мы смотрим в окна вагона, любуемся широкими просторами нашей родины, её богатствами. Невольно в мыслях проносятся слова песни, и мои мысли, точно электрическая искра, передаются соседке. Высоким девичьим голосом она запевает:

Широка страна моя родная,

Много в ней лесов, полей и рек.

И, подхваченная пассажирами, могучим хором гремит в вагоне гордая песня о свободном человеке:

Я другой такой, страны не знаю,

Где так вольно дышит человек.

Низко стелется дым, паровоз быстро вращает колёсами. Из окна вагона смотрю я на степь, и мысли, как добрые кони, уносят меня в далёкое детство.

На берегу речки стоит наш дом. Отец и старший брат стучат молотками по железу: они делают вёдра, трубы, кастрюли и всевозможные жестяные вещи. Мы же с другим братом ходим по селу и у каждого -дома по очереди горланим:

- Вёдра починяем! Кастрюли новые делаем!

Летний зной. Раскалённый песок жжёт босые потрескавшиеся ноги. Хорошо, если удастся быстро получить заказ на работу, тогда можно сбегать к речке и с ребятами посидеть и поплавать в воде. Когда же нет заказа, до позднего вечера охрипшими голосами кричим: "Дёшево делаем! Хорошо делаем! Крепко делаем!"

Мысли уносят меня дальше. Юношеские годы. Мы с отцом работаем по ремонту церквей. Я забираюсь на высокий купол к кресту и, глядя в даль, мечтаю, а отец кричит:

- Эй, мастер, смотри, не свались!

Впоследствии отец стал привязывать меня к кресту.

- Ну, теперь можешь мечтать.

На пятые сутки, пробежав пять тысяч километров, экспресс остановился у перрона Красноярского вокзала. Простились с пассажирами, с которыми за время пути успели близко познакомиться, и поехали к месту стоянки наших самолётов, откуда нам предстояло лететь в Арктику.

Лавируя между брёвен и плотов, катер доставил нас на правый берег Енисея. В тихой небольшой бухточке стоял, покачиваясь на якоре, наш самолёт - двухмоторная летающая лодка. На берегу, на песчаной площадке, несколько самолётов ожидало своей очереди спуска на воду. Отсюда лётчики полярной

авиации улетали во все моря Советской Арктики.

Жизнь била здесь ключом. Взлетали и садились самолёты. Катера буксировали гидропланы, снимали их с якорей, отводили на старт или же тащили со старта в бухту. На берегу грохот, моторы ревут, винты поднимают тучи пыли.

Субботний тёплый вечер. В городе необычное оживление. На катерах, пароходах, лодках, машинах, пешком красноярцы отправляются за город, на знаменитые Столбы. Пользуясь свободным временем, мы потянулись за всеми. Через два десятка километров вверх по течению Енисея катер высадил нас у примитивной пристани на правом, лесистом и скалистом берегу.

В лесу, на полянке, недалеко от высокой отвесной скалы, горит костёр. От света костра сумерки кажутся гуще и лес темнее. За разговорами, шутками и смехом время бежит легко и быстро. По лесу разносится старинная песня про храбрых русских людей:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Где-то недалеко от нас поют украинскую песню:

Ихав козак за Дунай,
Сказав дивчине: "Прощай".

Быстро проходит короткая летняя ночь. Наступает рассвет. Отдыхающие готовятся к самому главному, за чем сюда приезжают, - встречать восход солнца.

На горах золотятся верхушки деревьев. Лучи восходящего солнца спускаются с гор и вскоре заливают ярким светом холмы, на которых мы сидим.

Все замолкли. Не слышно ни песен, ни веселого смеха. Человек не нарушает тишины рождения нового дня. Только птицы перекликаются на все голоса.

По высоким и тонким, как столбы, горам это место, окруженное лесами, и получило название Столбы. Слава о Столбах распространилась за пределами Красноярска. Сюда приезжают встречать восход солнца эскурсанты из далеких городов.

В понедельник катер отбуксировал наш самолет из бухты на плес большого Енисея. Отданы буксирные концы. Запущены моторы. Гидроплан бежит по широкой реке, вверх по течению. Новые моторы звенят высоким тоном. Последние метры на редане. Чуть касаясь воды и легко взмыв, мы проносимся над просыпающимся Красноярском. Крутой разворот - и мы идем на

север вниз по Енисею. Река становится все Уже и Уже. Наш самолет набирает высоту.

2

Членами нашего экипажа были: первый пилот (он же командир самолёта) Герой Советского Союза Михаил Васильевич Водопьянов, его помощник (второй пилот), участник многих экспедиций Эндель Карлович Пусэп, консультант по арктическим вопросам (третий пилот) Борис Григорьевич Чухновский, первый борттехник (инженер корабля) Константин Николаевич Сугробов, участник экспедиции на Северный полюс; я, первый штурман, радист, второй техник и второй штурман.

У всех нас был многолетний стаж работы, и, пожалуй, нет такого места на Севере, где бы мы не бывали - над всем побережьем и островами Баренцева моря до берегов Аляски.

Через семь часов полёта под нами во всей своей красоте - первый заполярный город Игарка, наша база, с которой мы будем совершать свои полёты в море, пока не наступит лето и не откроются гидроаэродромы в Карском море.

Крутой вираж над городом. Самолёт легко и плавне чертит воду и останавливается у бочки на якоре. Концами лодка прикрепляется к бочке, и мы на катере подъезжаем к пристани. Нас встречают знакомые игарцы и ранее прибывшие сюда летчики.

В Игарке идет полным ходом подготовка к летней страде - навигации. Лесозаводы работают день и ночь. На пристанях и причалах расчищаются места для приёма океанских пароходов.

Солнце, светящее круглые сутки, дает авиации возможность работать непрерывно. Уходят и приходят рейсовые самолёты.

Связавшись по радио с полярными радиостанциями в Карском море и узнав от них обстановку, мы вылетаем из Игарки в Карское море.

После шестнадцати часов полёта над ледяными, ещё не тронутыми весенним солнцем просторами Карского моря мы возвратились в Игарку. Планируя на посадку, мы увидели у бочки, рядом с нашей стоянкой, покачивающийся на воде самолёт одинаковой с нашим конструкции. Это был самолёт лётчика Ивана Ивановича Черевичного, с которым у нас существовало тайное, никем не высказанное соревнование - сделать ледовую разведку наивозможно большей площади, с наибольшим количеством часов налёта.

Экипаж лётчика Черевичного в основном был тот, с которым он зимой 1940 года летал в район Полюса недоступности, где совершил три посадки на льдине. Члены экипажей хорошо были знакомы друг другу, и даже больше - многие были большими

приятелями. Здесь же, на пристани, состоялась встреча двух соревнующихся экипажей. Посыпались вопросы о Москве, о близких и знакомых. Не обошлось и без "подначки".

Кто-то из экипажа Черевичного сообщил, что лётчик Матвей Ильич Козлов, базирующийся в Нарьян-Маре, на реке Печоре, сделал один полёт в Баренцовом и Карском морях продолжительностью в двадцать пять часов. Сразу все остальные вопросы перестали нас интересовать, и мы всячески пытались выяснить подробности этого замечательного полота.

Но никто не знал подробностей. Вскоре Черевичный со своим экипажем вылетел из Игарки на восток, к устью реки Лены, откуда он должен был проводить ледовую разведку морей Лаптевых и Восточно-Сибирского.

Черевичный улетел, и мы лишились сна. Двадцать пять часов полёта лётчика Козлова без посадки не давали нам покоя.

- Механикам заливать горючее, штурманам узнавать погоду и готовить маршрут, - распорядился наш командир.

- Михаил Васильевич, на сколько часов готовить маршрут полёта?

- Маршрут готовь на всё горючее. Время - по погоде. С первой сносной погодой вылетаем.

Подготовка шла быстро и весело. Полёт обещал быть очень интересным. Осуществлялась, наконец, моя давнишняя мечта - составить ледовую карту всего Карского моря, прилегающих морей и частей океана.

Погода стояла хорошая. Заняв места в самолёте, мы отвязались от бочки и порулили на большой Енисей для взлёта. Был штиль.

Два раза мы тщетно пытались оторваться: бежали по течению, пробовали против течения. Но лодка зарывалась носом в воду и никак не хотела выходить на редан. Зарулили обратно на стоянку, выгрузили всё, что казалось лишним, и слили полтонны горючего. После этого, хотя и с трудом, лётчикам удалось оторвать присосавшуюся лодку от воды. Каждый приступил к своей работе.

Вскоре, за Усть-Енисейским портом, воды Енисея как бы обрывались и дальше пробивались к морю уже под льдом. Сильное течение весенних вод на ледяной кромке ломало и подминало лёд. Громадные льдины поднимались высоко из воды и затем обрушивались вниз, создавая водоворот и кроша льдины на мелкие части.

Дальше на север воды вовсе не стало видно. У Карского моря перед нами открылась белая ледяная поверхность, освещаемая низким полярным солнцем.

Оба наши пилота давно уже вышли из того пилотского возраста, когда управление самолётом доставляет удовольствие. Они в своей жизни столько крутили всяких штурвалов, что сейчас по первой просьбе уступают свои места любителям.

Водопьянов уступил мне своё пилотское место, а сам ушёл в кают-компанию. Пусэп, передав мне управление, уселся поудобнее и, отвернувшись от солнца, стал дремать.

Недалеко от острова Диксон курс был взят на запад, к острову Белому и к берегам Новой Земли.

На первый взгляд ледяная поверхность моря кажется ровной, белой. Но для нас, ледовых разведчиков, лёд не ровный, не одинаковый и даже не белый.

На нашей карте всё больше и больше появляется условных значков всевозможных форм и цветов; по ним будет составлено и отправлено в Москву подробное донесение о ледовой обстановке.

Пролетаем остров Белый. Он закрыт облаками, и место полярной станции мы определили по радиокомпасу. Но облака были здесь местного характера, и вскоре мы продолжали полёт к берегам Новой Земли уже при хорошей видимости.

Ледовая обстановка становилась всё более сложной и запутанной. Я ни на минуту не мог уже оторваться от наблюдений. Самолётом теперь управляли сами лётчики по очереди.

Дойдя до восточного берега Новой Земли в районе пролива Маточкин Шар, мы повернули на север и продолжали полёт вдоль берегов Новой Земли. Слева от нашего пути тянулась горная цепь с ледниковыми куполами, сверкавшими на солнце. Некоторые ледники доходили до берегов и, обрываясь высоким пластом льда, уходили под воду. Отсюда, с этих ледниковых обрывов, возникают айсберги. Смерзшиеся с ледяными полями, они высоко торчат среди льдов.

На северной оконечности Новой Земли, на Мысе Желания, - одна из старейших полярных станций. Ещё в давние времена мореплаватели пытались обогнуть этот мыс с запада, с моря Баренца, и войти в Карское море. Но редко кому это удавалось. Один из таких неудачников, которому льды преградили дорогу в Карское море, и назвал эту оконечность Мысом Желания.

Развернувшись над полярной станцией, мы пошли прямо на север, вдоль границы двух морей: моря Баренца, чистого от льда, и Карского, забитого льдами до горизонта.

Незаходящее солнце стояло низко на горизонте, бросая на снег длинные тени от торосов. Монотонный шум моторов стал привычен. Воздух спокоен. Машина идёт ровно. Внизу же однообразная картина - слева вода, справа льды.

Водопьянов спит на походной койке. Чухновский залез в спальный мешок, наблюдает в иллюминатор, зарисовывает льды. Сугробов на своём чердаке возле приборов дремлет. Пусэп держит одним пальцем штурвал и приучает машину ходить без помощи лётчика. Мой помощник начинает сдавать - истекает двенадцатый час нашего полёта. Я не даю ему дремать.

- Абрамсон, запишите! - и он пишет под мою диктовку:

"Баренцево море, чистая вода. Кромка десятибалльного мелко битого льда тянется от Новой Земли до широты 80°".

Если нечего записывать по льдам, то у моего помощника много другой работы, и я ему напоминаю: "Проверить угол сноса. Рассчитать ветер, взять радиопеленги".

У Абрамсона слипаются глаза, но всё делает тотчас же и аккуратно.

Рында громко звонит, созывая команду воздушного корабля на обед. Мы у острова Греэм Белл, самого восточного из архипелага Земли Франца-Иосифа. Водопьянов показывает место, где у него когда-то была вынужденная посадка. А потом, обращаясь ко мне, говорит:

- Ты что, на Северный полюс хочешь улететь? Смотри, рассчитывай получше, а то посадишь нас всех среди моря. - И с этими словами уходит в столовую, откуда несётся запах настоящего украинского борща.

Пусэп тоже потянулся на запах борща.

Накренив корабль, поворачиваю его на новый курс, на восток. Но у меня что-то плохо получилось с креном. Прибегает Пусэп:

- Что здесь случилось?

- Ничего особенного.

- А почему у меня тарелка с борщом перевернулась?

- Да это я поворачивал самолёт на новый курс.

В ответ я получил внушение насчёт координации движений педалей и штурвала. Так сказать, чтобы борщ больше не переворачивался.

Среди необозримых ледяных просторов Северного Ледовитого океана стоит одинокий небольшой остров Ушакова, зажатый со всех сторон льдинами. Остров, как шапкой, покрыт белым ледником. Обнаружить его можно только при точном расчёте полёта, зная заранее место его расположения.

После острова Ушакова полёт продолжаем на восток. Надолго исчезли даже признаки земли. Рядом со мной, на втором сиденье, Чухновский одной рукой искусно ведёт самолёт.

На полярных станциях, с которыми мы держим связь, каждые четыре часа сменялись вахты, радисты первой смены уже выспались и, вновь заступив на вахту, спрашивают нас: "А вы всё

ещё летаете?"

А мы всё ещё летаем...

Прошло шестнадцать часов полёта. Рында звонит на ужин и на смену вахты. Разворачиваем самолёт на юго-запад. Кругом на сотни километров всё та же однообразная картина: льдов много, а воды мало. Мы, штурманы, продолжаем своё дело: высматриваем и отмечаем разное строение льда - это цель нашего полёта.

Далеко на восток медленно проплывают сверкающие ледники островов Северной Земли. Погода нам благоприятствует, прозрачной чистоты арктический воздух делает видимость почти беспредельной.

Остров Уединения чернеет одиноким пятном среди белых льдов. Здесь весна в разгаре. Зимний снежный покров сменили ручьи и лужи тёмной воды. Обнажились скалы и пригорки с редким мхом. На берегу одинокий дом с двумя мачтами.

Четыре человека машут нам шапками. Появление самолёта для них, проживших два года на одиноком острове, - начало летней навигации, а с ней и близость смены.

Прошло двадцать часов. Остров Диксон. Вот он под нами, знакомый до мелочей, близкий и родной. Скоро мы сюда переберёмся. Отсюда будем работать всё лето. Сейчас он чёрный, мокрый и грязный от недавно стаявшего снега. Но пригреет ещё больше солнышко, и здесь зазеленеет мох и зацветут жёлтые и белые цветы. Тогда он будет похож на красивый ковёр.

От Диксона мы идём на юг, доходим до пролива, где начинается Енисейская вода, и видим, что за время нашего полёта кромка льда оттеснена на пять километров ближе к морю.

Двадцать четыре часа полёта. Нужно решить, что делать дальше. Мы над селением Дудинка. Здесь можно было бы дозарядиться. Но на Енисее сильный ветер. Садиться здесь без нужды нет смысла. Оба пилота на своих местах.

- Сугробов! Сколько осталось горючего в баках? - обратился Водопьянов к инженеру.

- На один час полёта, товарищ командир.

- Штурманы! Сколько времени лететь до Игарки?

- Один час две минуты, - ответил я.

От Дудинки до Игарки идём почти по прямой. Водопьянов срезает все речные изгибы, чтобы сэкономить время. Ветер швыряет нашу машину.

Когда бензиномеры перестали показывать наличие горючего в баках, Водопьянов перестал срезать речные изгибы и повёл машину над серединой реки, готовясь на случай остановки моторов посадить её на воду.

Моторы чихнули по одному разу и перестали тянуть самолёт.

Но этого уже и не требовалось.

Своё дело моторы сделали. Через двадцать пить часов полёта наш самолёт коснулся днищем воды и, пробежав по ней, остановился.

Сильное течение быстро понесло гидроплан. Подошедший катер бросил концы и прибуксировал лас к месту стоянки. Это было 22 июня.

3

На высоком крутом берегу гостиница аэропорта. Кругом ни одной живой души. Даже ребятишек, которые обычно почти круглые сутки копошатся на берегу, нигде не видно.

В большой битком набитой комнате гостиницы на наш приход никто не обратил внимания, будто это не мы сейчас вернулись с далёкой Арктики после двадцатипятичасового полёта. Через несколько секунд мы тоже забыли свой почти рекордный полёт и все то, что было у каждого из нас до этого дня, до этого часа, когда мы услышали первые слова правительственного сообщения о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

Мы решили немедленно лететь в Москву. Усталость как рукой сняло. На метеостанции дана была заявка на полёт по маршруту Игарка - Архангельск.

По синоптической карте погода, если расценивать её по мирному времени, была неважная, ну а с военной точки зрения вполне сносной.

Слово "война" как-то быстро вошло в наше сознание и резко перевернуло взгляды на привычные вещи.

Слегка штормило. Порывистый ветер и большая волна не давали возможности подтянуть самолёт к пристани, поэтому снаряжали его горючим с лодок.

На берегу собралась большая толпа.

Мы прошли сквозь строй расступившихся людей к лодке, доставившей нас к самолёту.

Отданы концы. Запущены моторы. Волны накрывают поплавки, брызги летят через моторы. Полные газы. Гидроплан бежит по волнам, ударяется сильно о гребень большой волны - зубам больно. Ещё удар - и мы низко несёмся над белыми гребнями. Самолёт, похожий на летающую рыбу, уходит на запад.

Появляются облака. Мы пробиваемся вверх и идём над белыми ватными полями.

Где-то внизу, под облаками, проходят залив Хальмер-Седа, самая большая в Европе и в Азии реки Обь и Хайпудырская губа в Баренцевом море. Подходим к устью реки Печоры. Кругом всё такая же белая, ровная вата.

С промежуточного гидроаэродрома в Нарьян-Маре нам сообщили, что для получения разрешения на прилёт в Архангельск следует остановиться в Нарьян-Маре. Делать нечего. Вывожу самолёт за облаками по радиополукомпасу на радиостанцию. Когда стрелка прибора показала, что мы над станцией, прошу лётчиков пробивать облака и спускаться вниз.

Осторожно, явно не доверяя моим расчётам, лётчики снижаются в молочной массе облаков. Высотомер всё ниже и ниже. Высота малая. Лётчики, видно, уже совсем не верят мне. Но вот мы уже под облаками, и под нами большой плес, где на якорях стоят два самолёта. На берегу белеет посадочный сигнал. Водопьянов, улыбнувшись, говорит мне:

- Здорово у тебя получилось - вышли прямо туда, куда надо!

- Ничего не сделаешь - война требует точной работы.

Заходя на посадку, Водопьянов добавляет:

- Вот так бы на Берлин выйти!

- Найдём и Берлин, - отвечаю, укладывая штурманские приборы в сумку.

Получив радиограмму, разрешавшую прилёт в Архангельск, мы быстро собрались.

Облегчённый, с малым количеством горючего, гидроплан легко отрывается от волны.

Позади остаётся Печора и холмистая, изрезанная ручьями, коричневая тундра. Тёмные свинцовые облака прижимают нас низко к тайге. Ветер болтает самолёт. Обходим стороной грозовые облака, спускаемся до самой тайги и снова доворачиваем самолёт на запад. Солнца не видно, оно где-то высоко, за толстыми облаками. Косые полосы ливня преграждают нам путь. Мы проскакиваем между полосами и низко, на бреющем полёте, несёмся над тайгой.

Впереди снова туча с ливнем и градом.

Лететь по прямой нельзя. Верная гибель. Круто отвернув в сторону, обходим подальше опасное место. В самолёте тихо. Лица у всех сосредоточенные. У каждого одна дума - о войне.

Погода плохая, очень плохая. Бывают моменты, когда самолёт вдруг встаёт на крыло, и кажется, что пилот не успеет выровнять машину и мы врежемся в тайгу. А она вот здесь, совсем рядом. И всё-таки мысли не об этом. И не опасность тревожит нас, а нетерпение.

Облака резко стали повышаться.

Мы проскочи грозовой холодный фронт. Низко разворачиваемся над островом, где расположена база нашего гидроаэродрома, и не узнаём его.

На острове, всегда пустынном, необычайное оживление. Всё

поле заставлено сухопутными самолётами. Снуют автомашиеы и тягачи. Идёт какое-то строительство, расширяется лётное поле.

Заходим на посадку. По самые винты зарывается наша лодка в волну.

Ветер против течения создаёт в воде такую кутерьму, что наша лодка рулит с трудом, не слушаясь управления. Всё же подрулили к песчаному берегу и с помощью команды рабочих аэропорта закрепили самолёт на месте.

На лётном поле, поднимая тучи пыли, рулят один за другим самолёты с подвешенными бомбами, взлетают и, построившись над аэродромом, скрываются вдали.

Возвратившаяся с запада группа самолётов заруливает на окраину поля. К самолётам подходят бензозаправщики и грузовики. Заливают горючее и подвешивают бомбы.

- Молодцы военные, - говорит начальник гидроаэродрома, - хорошо летают. День и ночь без перерыва.

- А куда они летают? - спрашиваем мы.

- На Запад. Финнов бомбят. Вы-то сами, что думаете делать?

- А вот доберёмся до Москвы, а там думаем, что и для нас работа найдётся.

- Найдётся; сейчас для всех работа найдётся. Я вот сам думаю отсюда уходить, уже подал заявление, - и, указывая, рукой на самолёт, заходивший на посадку, сказал:

- А этому, наверное, здорово досталось, на одном моторе вернулся домой.

К остановившемуся среди поля самолёту подошёл тягач и притащил к месту неподалеку от нас. Из разбитого мотора текло масло. В фюзеляже и плоскостях много разных дырок. Пилот узнал Водопьянова.

- А, Михаил Васильевич, здравствуй. С прилётом тебя. Это твоё корыто болтается?

- Здоров, здоров, вояка! Ну как воюешь?

- Да ничего, воюю помаленьку.

- Ты чего же так машину исковеркал? Что, разве жарко было?

- Да, это мне для вентиляции несколько дырок сделали.

- Что, здорово стреляют?

- Да нет, не особенно здорово. Бывает хуже. А так ещё ничего, жить можно. - Пилот сел в машину и на ходу добавил: - Ну, пока! Там ещё встретимся.

В столовой молодые девушки в белых передниках и косынках бойко обслуживают обедом прибывающие с полётов экипажи.

- Что, девчата, тоже воюете? - обратился Водопьянов к молодой весёлой девушке.

- Воюем, Михаил Васильевич, - задорно отвечали девушки, - а

то как же, теперь всем надо воевать. А вы-то сами куда сейчас?

- Да вот спешу на войну, да никак до неё не доберусь.

- Ну, спешите, поторапливайтесь. А то можете и опоздать. Наши лётчики здорово им дают.

Среди военных людей, одетых одинаково - в гимнастёрках, перехваченных ремнями, и в пилотках - мы, в своих кожаных тужурках, в кепках и фуражках разного покроя и цвета, чувствовали себя не совсем хорошо. И каждый из нас только и мечтал о том дне, когда наденет вот такие же гимнастёрки с голубыми петличками.

Наконец, мы получили воздушный пароль и разрешение на полёт в Москву. Условия были жёстче, чем те, при которых прилетали сюда раньше. Требовалось в определённый час на такой-то высоте пройти точно в указанных воротах.

Обычно для гидропланов путь из Архангельска на Москву проходил над системой рек и озёр и намного удлинял Весь маршрут полёта. Нам же разрешалось лететь только по прямой, соединяющей Архангельск с Москвой.

- Ну, хлопцы, - устраиваясь на своём сиденье, сказал Водопьянов, - ещё один полёт на этом добром корыте, а там пересядем на хорошего коня.

- А нельзя ли, Михаил Васильевич, на этом самолёте, вот всем нашим экипажем воевать? - спросил Пусэп, занимая своё место.

- Нет, нельзя. Аэроплан хотя и добрый, но для войны не годится. Ни высоты нет, ни скорости. Собьют с первого вылета. Ну что, все готовы?

- Готовы!

- Запускай, Костя, моторы, да почапаем помаленьку.

Моторы, пригретые солнцем, быстро запустились. Мы отошли от берега и, порулив вверх по течению реки, развернулись.

- Ну, пошли! - сказал Водопьянов и двинул ручку газов доотказа.

Моторы зазвенели и быстро вытащили лодку на редан. Самолёт оторвался от воды.

Ну, Москва, принимай в свои ряды путников из далёкой Арктики! Как-то ты, Москва родная, сейчас выглядишь? Далеко мы были от тебя, а всё же во время прибудем, в самый нужный час. Сколько людей, сынов твоих верных, сейчас стремится к тебе со всех концов страны великой, вот так же, как мы, чтобы грудью своей отстоять тебя, родную, от врага.

На малой высоте держим курс на юг, туда, где высоко стоит яркое солнце в чистом голубом небе. А под нами всё лес и лес. Могучий, зелёный, густой лес. Как же его много в нашей стране! Летели с востока на запад - был лес. Сейчас на юг повернули, а он

всё такой же кругом - необъятный, густой... А там, далеко на юге, обширные необозримые поля и среди них богатые сёла и большие города.

И перед моими глазами встаёт вся моя страна, от края и до края, могучая и богатая страна, которую никому не сломить.

- Эй, штурман! О чём задумался? Как у нас с курсом? - прерывает мои мысли Водопьянов.

- Думаю всё о том же, о чём вы все думаете. А курс у нас самый правильный. Настоящий курс, какой должен быть у каждого патриота.

- Это ты верно говоришь. Курс наш самый правильный, и никакая сила не заставит нас свернуть, - и Водопьянов крепче сжал руками штурвал самолёта.

Из дремучих вологодских лесов мы выскочили на широкое, кажущееся безбрежным Рыбинское озеро. Над водным простором торчат похожие на маяки купола колоколен. Стаи уток поднимаются впереди самолёта. Одинокий паровой катер дымит трубой, и за кормой его вода рябит, и волны клином расходятся, ломая зеркальную поверхность.

Волга далеко справа от нас блестит узкой лентой, уходит в даль. Под нами уже московские леса, московская земля. Вот, вот ещё немного - и покажется она, родная...

Откуда-то снизу неожиданно вынырнул юркий истребитель и близко проскочил у нас под носом, качая крыльями. Глаза наши устремлялись вперед, истребитель мало нас занимал. Но что это? Впереди нас, наискось, он пустил длинную трассирующую очередь.

- Что за чорт! Что ему надо? - проворчал Водопьянов.

А истребитель вновь подходит и опять сигнализирует и режет нам путь.

- Приглашает следовать за собой, наверное хочет нас посадить, - говорит Пусэп.

- Куда посадить, кругом земля, слепой он, что ли, что не видит перед собой гидроплан? Куда я на лодке за ним сяду, на землю, что ли? Водопьянова начинает раздражать поведение истребителя. Он открывает верхний люк над головой и вылезает по самые плечи наружу. Ветер треплет его густую седую шевелюру.

Истребитель сбавляет скорость, подстраивается к нам. Водопьянов рукой приглашает его ещё ближе подойти. Расстояние между самолётами всё более сокращается. И вот машина уже совсем близко, рядом. Можно человека в лицо узнать.

Водопьянов стучит пальцем по лбу, показывает рукой на

истребитель и грозит кулаком. Истребитель смущённо улыбается, кивает головой: мол, "понял всё, обознался", и, показав нам рукой в сторону Москвы, отвалил и скрылся позади.

Последние минуты. Мы над Химкинским водохранилищем, местом нашей посадки. С соседнего аэродрома взлетают два истребителя и направляются в нашу сторону. Водопьянов выпустил поплавки, резко повёл машину на посадку, как бы говоря: теперь-то я без вашего приглашения сяду.

Истребители подошли, когда уже самолёт бежал по воде, покрутились над нами и пошли на посадку к себе на аэродром.

* * *

- Ну, ребята, вот мы и доехали, с чем вас всех и поздравляю, - сказал Водопьянов.

В легковой машине едем мы в город, а навстречу непрерывным потоком движутся военные машины, окрашенные в защитный цвет. У шлагбаума на переезде Окружной железной дороги задерживаемся, пропускаем воинские эшелоны.

Стройные ряды пехоты чётко отбивают шаг под звуки марша. Растянувшимися рядами с мешками за плечами идут вновь призванные, ещё не обмундированные...

Девушки в гражданском платье с белыми повязками и красными крестами на руках стараются итти в ногу, но часто сбиваются.

Чем ближе к центру, тем больше людей. В воздухе гремит песня:

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную родину встанет.

Новыми глазами смотрели мы на Москву - Москву военную.

- Здравствуйте, здравствуйте. Что, на войну захотелось? Быстро же вы смотались! Я только сегодня отправил вам радиотелеграмму, чтобы вы оттуда вылетали, а вы уже здесь, - так встретил нас Папанин.

- А мы, Иван Дмитриевич, не сомневались в том, что вы нас вызовете, и поспешили, - ответил Водопьянов.

- Ну, докладывайте. Вы, говорят, там какой-то рекорд новый поставили? Так показывайте ваши рекорды.

Разложив на столе карты, мы подробно докладываем обо всём, что успели сделать в Арктике.

- Ладно, ребята, большое вам спасибо. Карта остаётся у меня, а вы идите домой, попрощайтесь с семьями и начинайте воевать. Желаю вам больших успехов!

Простившись с Папаниным, мы вышли на улицу.

- Вот что, ребята, - обратился к нам Водопьянов, - сегодня вы свободны, а завтра утром - ко мне.

Мы с Пусэпом жили в Доме полярника, в одной квартире. Возле дома заметно оживление, стоят несколько грузовиков, на которые грузятся домашняя утварь семей полярников. Один из администраторов, ведавший погрузкой, увидев нас, оживился.

- Вот и хорошо, что вы приехали, а то ваши жёны сидят на вещах, а грузиться не хотят. Так вы там дома готовьтесь, через час пришлю вам машину.

- Не надо присылать машину, - ответил я, - никуда наши жёны не поедут.

Оставив озадаченного администратора, мы поднялись к себе. В коридоре и в комнатах были навалены ящики, тюки, чемоданы и узлы.

- Вот хорошо, что ты приехал, - бросилась ко мне жена, - а то я совсем замучилась. Тебя нет, сама не знаю, что делать, а приказывают выезжать. Я уже и деньги на переезд получила.

- Никуда ты не уедешь, распаковывай вещи да готовь обед. Тебе и здесь работа найдётся.

- Ты-то будешь воевать, а вот что я буду делать?

- Будешь делать то, что весь народ делает. Иди сюда, смотри и слушай. Я открыл дверь на балкон. В комнату ворвалась песня.

И линкоры пойдут, и пехота пойдёт,
И помчатся лихие тачанки.
Как один человек, весь советский народ
За свободную родину встанет.

На следующее утро мы собрались у Водопьянова. Наш командир, как всегда, был немногословен.

- Нам с вами предложено изучить новый тяжёлый бомбардировщик дальнего действия. Летать придётся в основном ночью, на большой высоте и на дальние цели. Как скоро мы начнём на нём воевать, зависит целиком от нас самих, от того, как скоро мы его изучим и освоим. А посему времени терять зря нечего, получайте документы, сегодня же на самолёте улетайте на завод и приступайте к работе. Сам я закончу здесь некоторые дела и через пару дней тоже там буду.

В тот же день мы улетели на восток.

* * *

Завод работает день и ночь. Кругом стук, грохот, скрип и режущая слух дробь автоматической клепки.

В перерывах тысячные толпы рабочих собираются у репродукторов. Известия приходят всё более тревожные. Прослушав очередное сообщение, рабочие, уже сменившиеся, возвращаются снова на свои места, к своим станкам. Многие

совсем домой не уходят, здесь и живут. Короткий отдых, два-три часа сна, и вновь у станка.

Помимо тяжёлых бомбардировщиков, завод выпускает и лёгкие бомбардировщики. Ежедневно на аэродром прибывают пассажирские самолёты. Из них выходят лётчики, штурманы и радисты. Через несколько часов они улетают на лёгких бомбардировщиках.

Однажды мимо нас проходила группа лётчиков, прибывшая за новыми самолётами. К одному из них обратился Водопьянов:

- Эй, лётчик, а ну, подойди поближе! Что-то мне твоё лицо знакомо. Где-то я тебя видел.

- Здравствуйте, Михаил Васильевич. На прошлой неделе на этом же самом месте получал самолет, - ответил молодой пилот с повязкой на голове.

- А теперь сюда зачем?

- Да опять же за самолётом.

- Так ты их, что же, перегоняешь?

- Да нет, пока что ещё сам летаю, воюю.

- Выходит, подбили тебя?

- Да, выходит, что так.

- А ты что?

- Стрелок мой сбил штуки четыре, а сам я за танками охочусь.

- А много у него танков?

- Вначале было много, прямо тучей шли.

- Что, реже стало?

- Так летаем же мы, бомбим их, вот и реже. Ну, я пошёл. До свидания, Михаил Васильевич.

- До свидания, дорогой. Желаю тебе успеха!

Охотник за танками ушёл к своему самолёту, и мы видели, как он по-хозяйски осмотрел его, попробовал рули, ручки, запустил моторы и, лихо взлетев, ушёл на запад сокращать число фашистских танков.

Каждый вновь выпущенный тяжёлый бомбардировщик проходит заводские лётные испытания, после чего самолёт сейчас же передают экипажу. С утра до позднего вечера лётный состав кропотливо изучает устройство своего воздушного корабля.

И все мы лелеем мысль, что характер правительственных сообщений будет изменяться в лучшую сторону, как только мы начнём работать на этих кораблях. На аэродроме формируется большое соединение ночных тяжёлых бомбардировщиков дальнего действия. Здесь собрались лучшие лётчики со всех концов Советского Союза: лётчики полярной авиации, Гражданского воздушного флота и Дальнего Юга, Сибири, Дальнего Востока, международной линии, научно-

исследовательских институтов, заводские испытатели, инструкторы авиационных школ.

Экипажи помогают заводским бригадам доводить самолёт, устанавливать вооружение. Работа спорится. Но время идёт. Война всё ближе и ближе. Эхо войны докатывается и до* нашего города. В гостиницах, больницах и госпиталях много раненых. Тихо идут санитарные поезда на восток. С громкими и бодрыми песнями идут воинские эшелоны на запад.

В городе и на заводе полное затемнение. До нас доходят вести, что немцы совершают налёты на Москву. Сжав сердце, ждём своего часа.

Начались лётные тренировки. Самолёты один за другим взлетали и уходили в зону тренировочных полётов. Первые часы полётов на большой высоте. Земля кажется необычной, реки тоненькие, дороги как ниточки, горизонт теряется в дымке. Но скоро привыкаешь и к высоте, и к кислороду, и к новой машине с её сложными приборами и агрегатами.

Наконец-то сняты кожаные куртки и кепи разных цветов. На нас защитные гимнастёрки с голубыми петлицами, синие пилотки и сапоги.

Штурманам выданы лётные карты, и мы изучаем районы предполагаемых полётов. Точные цели нам ещё не указаны, - Но на картах глаза тянутся к главной цели - к Берлину. Ведь не может быть, чтобы за столько времени ожидания нас не послали на самую главную цель.

Летний тёплый вечер. На зелёной траве, рядом с нашими большими самолетами, выстроился состав вновь сформированного полка. Полковник Лебедев зачитал приказ Наркома обороны о введении в строй нового полка и зачислении его в действующую армию. Весь полк завтра же должен вылететь на аэродром базирования. Поздравляя личный состав, полковник сказал:

- Мы долго и терпеливо занимались подготовкой кораблей и себя к этому часу. Теперь настало и наше время на своих боевых машинах помочь Красной Армии, помочь Родине. Чему здесь не доучились, доучимся на войне.

До самой темноты на самолётах шла работа. Грузили и укладывали запасное имущество, в последний раз проверяли всё до мелочей.

Под крыльями машин на пахучем сене отдыхали экипажи. Кто спал, кто шептался, а кто думал вслух.

4

На другой день мы были уже на одном из ленинградских аэродромов.

Нас собрали в штабе. К большой классной доске флаг-штурман прикалывает карту. Жирная чёрная линия тянется через материк, море, снова материк и упирается концом в Берлин. От Берлина чёрная линия уходит в море, делает несколько изгибов и возвращается к исходному пункту. Всё стало ясно - полёт намечен на Берлин.

Флагманский штурман подробно знакомит с планом полёта, курсом, высотой, временем и скоростью. Кто-то из лётчиков задал одному из присутствующих генералов вопрос: как быть с орденами и документами, оставить их здесь или можно брать с собой? Генерал ответил:

- Зачем оставлять? Завтра утром вы все будете здесь.

...У самолётов работа идёт к концу. Летчики помогают ввернуть в бомбы взрыватели, штурманы заканчивают подготовку карт. Всё готово. Экипажи в лётном меховом тяжёлом обмундировании ожидают сигнала к вылету. Моторы запущены. Аэродром загудел, под струёй воздуха от винтов зашевелилась трава.

- Ну, ни пуха, ни пера! - говорит нам генерал и машет рукой в направлении взлёта.

Мы вылетаем первыми.

Прямой курс. Красное заходящее солнце. Чистый, прозрачный воздух. Беспредельная видимость. Под нами густые леса и тонкие нитки дорог. На горизонте светлеет море. На севере и западе ещё день, на востоке и юге сумерки.

Мы догоняем день, нас догоняет ночь.

Самолёт подымается всё выше и выше. Становится холодно, и, подтянув "молнии" комбинезонов, мы до конца застёгиваем меховые воротники, поближе к себе кладём меховые рукавицы.

Позади меня, за столиком с радиоаппаратурой, сидит невозмутимо спокойный радист Вася Богданов и отстукивает что-то на ключе: то ли руку тренирует, то ли донесение передаёт.

Наверху, как на чердаке, сидят наши пилоты - Водопьянов и Пусэп. И кажется, что вот мы, старые полярники, летим в море на очередную ледовую разведку. И только большие бомбы, висящие близко от нас, напоминают, что летим мы на смертный бой с ненавистным врагом.

После установления нормального режима полёта на корабле стало совсем тихо. Даже шума моторов не замечаешь. Высота полёта всё больше и больше. Голова начинает кружиться, в ушах шум. Никак не пойму, отчего это. И, только посмотрев на радиста и борттехника, догадываюсь, в чём дело; надел кислородную маску, включил кислород и сразу почувствовал облегчение.

Солнце село. В кабине темнеет. Рассматривать карту и вести

бортжурнал можно уже только у окна со стороны зари. Скоро будет совсем темно, и я спешу закончить, пока ещё возможно, все свои расчёты. Сколько бы штурман ни готовился на земле к полёту, в воздухе у него всегда ещё найдутся недоделки.

По прогнозу скоро должны быть облака. Уточнил курс и место. Где-то впереди по нашему маршруту немцы вбили клин и вышли к берегу моря.

- Лётчики! Смотрите за землёй. Вон у того мыска немцы. Если начнут стрелять, отворачивайте вправо, на море.

- Ладно, отвернём! - ответил Водопьянов. - Стрелки! Внимательно следите за воздухом, могут быть вражеские истребители. Держать оружие готовым!

- Есть, смотреть за воздухом, товарищ командир, - отвечают почти хором пять молодых голосов.

Первым поднял тревогу носовой стрелок, которому лучше всех видно, что делается впереди.

- По нас здорово стреляют!

- Вижу, - ответил Водопьянов и повернул корабль вправо.

С земли нёсся такой жестокий огонь, что мы еле успели унести от него наши крылья.

- Алло, Богданов! Срочно давай радиограмму всем кораблям, что впереди по курсу опасность, обходить вправо.

- Есть, даю! - ответил радист и заработал ключом.

- Зенитки уже нас не достают, - докладывает кормовой стрелок.

- А как там наши корабли, видны? - спросил Водопьянов у кормового стрелка.

- Видны. Отвернули от зениток, следуют за нами.

- Ну и хорошо. Первое крещение прошло благополучно, - сказал Водопьянов.

Даю команду:

- Лётчики, ложитесь на старый курс, теперь уже до самой цели никто не будет беспокоить, - и начинаю перерасчёты, вызванные обходом зениток.

Стемнело. Появилась половинка луны, обещая скудно осветить мою кабину и местность под самолётом. Неожиданно поползли под самолётом плотные, ровные облака и скрыли от нас земной шар, с его лесами, морями и всеми зенитками. С одной стороны, хорошо - нас никто не увидит. Зато с маршрутом усложнилось мы перестали видеть. Одно другого стоит - обижаться не следует.

Компас устойчиво показывает нужное направление. Расчёты все верны, сомнений нет. Изредка смотрю в окно: не мелькнёт ли в облачных разрывах огонёк. В самолёте тишина, и кажется, что

только моторы бодрствуют, а люди обрели покой. Но это только кажется. Один из пилотов, не отрывая глаз от компаса и приборов, ведёт машину. Другой, мучительно превозмогая усталость, следит за воздухом. Радист, лицо которого освещено лампами радиостанции, стучит на ключе, пишет в журнале. Пять стрелков-сержантов неустанно наблюдают за воздухом, держа руки на своём оружии. Только борттехники клюют носом у ярко освещённого приборного щитка, им делать нечего - моторы урчат ровно.

"Эй, штурман, не ленись, работай, - подгоняю я себя, - на облака не смотри, на них ничего не увидишь. Ну, давай, шевелись. Думай. Изобретай. Скоро поворачивать надо".

Высота шесть тысяч метров, мороз тридцать градусов, а штурман голыми руками измеряет секстантом высоту звезды, и ему не холодно. С кислородной маской на лице, со шлангом и шнуром, изогнувшись на мостике, он ловит в стёклышко секстанта бледную маленькую звёздочку, и ему кажется, что всё хорошо и что даже работать удобно.

От астрономических расчётов штурман переходит к ориентировке по радиокомпасу, крутит ручки, записывает в журнале, прокладывает на карте. По кораблю несётся команда:

- Лётчики, меняем курс, лево руля шестьдесят градусов. Так держать.

И на корабле возникает некоторое оживление. Пилоты переговариваются насчёт режима набора высоты, проснувшиеся борттехники спрашивают у радиста новости; носовой стрелок меняет положение и, обернувшись к штурману, улыбается - дескать, всё у него в порядке; штурман ему показывает большой палец, и это видят борттехники и радист, которые тоже улыбаются и, бодрые, весёлые, принимаются за свою работу.

Луна поднимается всё выше, и на облаках серебрится лунная дорожка. Теперь уже света достаточно для работы с картой и бортжурналом у окна.

Самолёт идёт на большой высоте, выше облаков. Земля не видна, и работы у штурмана становится больше. Всё чаще вращаются ручки радиополукомпаса, всё чаще штурман тащит за собой кислородный шланг и переговорные шнуры на мостик к иллюминатору, секстантом измеряет высоту звёзд. Радист сообщает штурману полученные им с земли радиопеленги, их надо проложить на карте, сравнить со своими расчётами и, взяв среднее, поставить на карте крестик, а затем записать в бортжурнал место, время, погоду, курс и высоту.

Работы так много, что мороз не чувствуется, усталости как не бывало. Надо ещё сообщить лётчикам, и так, чтобы слышал весь

экипаж, что у штурмана с расчётами всё в порядке. Экипаж любит, когда в сложных, новых условиях кто-то время от времени говорит, что в работе корабля всё идёт нормально.

Неожиданно и в неположенном по прогнозу месте оборвались облака. Засеребрилось лунным светом море. Оно было спокойно, и только лёгкая рябь переливалась на лунной дорожке, которая уходила влево от нас и постепенно расплывалась в ночной дали.

Справа по нашему курсу потянулась узкая тёмная полоска; она скорей угадывается, чем просматривается. Она должна быть там, и воображение заставляет глаза видеть её. Редкие далёкие огоньки на темной полоске подтверждают моё предположение. Это береговая черта, параллельно ей проходит линия нашего маршрута.

Совсем легко стало на сердце. Место уточнено, и теперь до самой цели путь ясен, и время прихода на цель рассчитано с точностью до минуты.

Береговая черта справа от нас теряется, отмечаю это время. Передаю команду пилотам:

- Лётчики. Набирайте понемногу высоту. Теперь он у нас в руках и никуда не денется.

- Кто это он?

- Да всё тот же - Берлин.

Пилоты интересуются временем прихода на цель и нашим местом.

Отвечаю им:

- Волны морские хорошо луной отражаются, и я вижу их, посмотрите внимательно.

Не знаю, увидели ли пилоты отражение луны на морской волне, но меня они на некоторое время оставили в покое.

Лунный след оборвался. Мы вышли на берег. Под нами Германия. Земля тёмная, тёмная, и на ней, как в глубоком колодце, ничего не видно.

Напряжение нарастает. На корабле полное молчание. Экипаж чувствует, что вот-вот начнётся. Но как оно начнётся - никто не знает. Нужно что-то сказать, нужно разрядить напряжение. Мне казалось, что я только подумал, но весь экипаж услышал: "Стрельнул бы кто-нибудь или прожектор зажгли бы". И вдруг снизу взлетело море огня. По небу зашарили прожекторы. Яркокрасные вспышки густо засверкали на земле, вокруг всё закипело, что-то треснуло, самолёт подбросило.

- Штурман, под нами Берлин. Бросай бомбы, - проговорил Водопьянов.

- Какой там Берлин. На Штеттин напоролись! - ответил зло штурман, ругая себя за такую оплошность.

- Куда отвернуть? Собьют ведь, сволочи!

- Теперь уже поздно отворачивать. Держите прямой курс, можете маневрировать по скорости и высоте.

Откуда-то потянуло дымом, дышать стало невозможно.

- Четвёртый мотор вышел из строя, - доложил борттехник, - наверное подбит зениткой. Выключаю четвёртый мотор.

В самолёте стало светлее, чем днём. Несколько прожекторов уперлось снизу и долго провожало, ослепляя экипаж.

- Пусэп, держи машину, я ни черта не вижу, - сьазал Водопьянов, - да смотри только на приборы. Алло, Пусэп, взял управление?

- Взял, Михаил Васильевич. Держу крепко и смотрю только на приборы, но почему-то машину разворачивает вправо, и мне тяжело на левую ногу, - ответил Пусэп.

- Алло, радист Богданов. Ваше дело работать, а не фейерверками любоваться. Передайте кораблям, идущим сзади, что напоролись на Штеттин, а то ещё с Берлином спутают да начнут бомбить.

Кто-то высказал сомнение, дойдём ли до Берлина на трёх моторах и не лучше ли отбомбиться по Штеттину.

- Нам бомбить можно только Берлин, - сказал штурман. - Сзади нас идут корабли и будут бомбить там, где отбомбимся мы.

- Ничего, дойдём до Берлина, - добавил Водопьянов.

И голос его прозвучал так уверенно, что ни у кого не осталось сомнения, что до Берлина дойдём.

Прожекторы и зенитки остались позади. Снова чёрная, непроглядная темень.

Борттехники проверили состояние корабля после обстрела и докладывают командиру:

- Один мотор выведен из строя большем осколком, а остальное всё в порядке, не считая нескольких сквозных дырок в плоскости.

- Ну, хорошо, сбавьте немного правому мотору, а то Пусэп жалуется, что машину разворачивает. Алло, штурман, сколько ещё осталось до цели?

- Семь минут.

Последние минуты тянутся томительно долго. Кто-то, вздыхая, шепчет: "Скорей бы кончать", а кто-то другой так же тихо произносит: "Прожектор бы зажгли или стрельнул бы кто-нибудь". Водопьянов в ответ бурчит:

- Я тебе стрельну, раз уже напросились, хорошо ещё, что дёшево отделались.

- Внимание, подходим к цели! Открываю люки.

Машина вздрогнула - люки открылись, и по Самолёту прошёл

ветер.

- Удивительно, почему не стреляют? - говорит Водопьянов.

- А это у них такая тактика, сейчас расшевелим, заставим стрелять и тактику менять.

Бросаю пока одну фугаску и одну осветительную.

- Товарищ штурман, - кричит кормовой стрелок, - Берлин под нами, хорошо вижу.

Нажимаю кнопку. Бомбы одна за другой отваливаются и летят вниз. Самолёт чуть вздрагивает. Вспыхнули в разных местах прожекторы, слились вместе и осветили машину. Разрывов бомб не видно. Вокруг нас засверкало, засвистело, застреляло.

Подаю команду:

- Разворот влево на девяносто градусов.

- Не могу влево, - отвечает Пусэп, - машина влево не разворачивается.

- Тогда вправо разворачивай, маневрируй, уходи из зоны огня.

Пахнет порохом и гарью. Машину бросает, осколки стучат по ней, как по барабану.

- Ну, кажется, на этот раз попали? - говорит Пусэп.

- Ничего, ничего, - отвечает Водопьянов. - Ты вот туда немножечко правее доверни, там меньше стреляют. Вот так. Так, хорошо. Так и держи, да по сторонам не смотри, а то ослепнешь. Борттехники! Проверьте правую плоскость. Оттуда что-то дымом тянет.

- Товарищ командир, на месте наших бомб три больших пожара, докладывает кормовой стрелок. - Сейчас ещё кто-то бомбит.

Прожекторы и зенитки оставили нас и вцепились в следующий за нами самолёт.

- Ну, теперь там пойдёт работа! - говорит Водопьянов. - А нам надо думать о земле. Борттехники, как там у вас дела, всё ли в порядке?

- Дырок, Михаил Васильевич, много. Агрегаты целы. Вот только в правой плоскости самый большой бак с горючим пробили. Всё горючее вытекло. Я его перекрыл, чтобы горючее из других баков не вытекало.

- Сколько же у нас теперь осталось горючего?

- Максимум на четыре часа.

- Маловато. А лететь нам домой пять часов с лишним. Штурман, ты слышишь, что получается?

- Слышу, Михаил Васильевич. Будем лететь по прямой, сокращать расстояние. Полчаса сэкономим, а там дальше видно будет, что делать.

Самолёт лёг на новый курс, а стрелки еще долго докладывали, что наши самолеты бомбят Берлин.

Берлинская тревога разнеслась по всей Германии, и теперь на нашем пути до самого моря часто появлялись прожекторы и возле нас рвались снаряды. Однако всё это по сравнению с Берлином было настолько жидковато, что самолёт с курса не сворачивал и только штурман в журнале отмечал, что в таком-то пункте прожекторов десять, зениток двадцать, а где было меньше, и вовсе не записывал.

Вот и песчаный берег сереет. Последний снаряд разорвался где-то сбоку, погасли прожекторы. И снова мы одни, снова под нами море с лунной дорожкой. Напряжение прошло. Борттехники отдыхают, пилоты сменяются на вахте - по очереди будут спать. Ежатся стрелки-пулемётчики. Им только теперь становится холодно и хочется спать. Но спать они не будут - они на бессменной вахте.

- Радист, сообщай на землю результаты бомбёжки. Запрашивай пеленг, а я пока что займусь Полярной звездой.

Мысленно подаю себе команду: "Штурман, не зевай. Работай. Горючего мало. Экономь время. Веди самолёт по прямой".

- Лётчики, курс держать поточнее, в курсе наша жизнь. Влево немножко, ещё влево. Так держать.

Эх, жизнь, до чего же ты хороша! Особенна вот сейчас. Ночь светла и тиха, и блестит на воде луна. Вот и рифма. Так. А теперь пустим в ход тяжёлую артиллерию - радионавигацию. Выводи воздушных путников домой.

Стрелка прибора запрыгала и стала на месте. Ну вот и хорошо, всё идёт отлично. Идём прямо на станцию, а там рядом и наш аэродром.

Три мотора дружно тянут облегчённую машину. Винт четвёртого, мёртвого мотора бесшумно вращается за счёт энергии своих трёх товарищей, создавая лишнее сопротивление. Разбитый мотор в чёрных масляных пятнах. Масло вытекает из него, пузырится и тёмными, грязными дорожками бежит на плоскости и распыляется в воздухе. В плоскостях полный беспорядок: рваные дыры всех форм и размеров. Масло из разбитого мотора смешалось с керосином и лужами перекатывается внутри крыла. Эта смесь попадает на горячие части мотора, кипит, шипит и угарным дымом расходится по всему самолёту. Дым идёт кверху. Пилоты сидят выше всех, и достаётся им поэтому больше всех. Головы у них тяжелеют, наливаются свинцом. Добавлена подача кислорода, но его надолго нехватит. Свободный от вахты пилот спускается вниз, насколько позволяет кислородный шланг. Лётчикам становится всё труднее дышать, смотреть и править

самолётом.

Вышел весь кислород. Лётчики ведут машину со снижением. Море приблизилось к нам. Тихая ночь, тихое море. И мы одни на своём большом корабле. До чего же всё это красиво, и эх... как хочется скорей дотянуться домой и поспать на зелёной, мягкой траве под крылом самолёта.

Стрелка радиокомпаса задёргалась и свалилась к одной стороне. Проверяю, в чём дело. Оказывается, какой-то хищник залез на волну моей станции и мешает вести самолёт по радио. Ну, ничего, обождём немного. Подойдём ближе, и там уж никакая фашистская собака нам не помешает. А сейчас, пока видны звёзды, будем мерить их высоту. До чего же умный был человек, придумавший секстант! Пускай кто-нибудь попробует помешать мне пользоваться звёздами!

Вот и море кончилось. Под нами длинная, узкая, серая песчаная коса, а за ней чёрная, чёрная земля. Как-то эта земля нас встретит? Ну, так и есть! Вспыхнул прожектор, и опять всё кругом засверкало.

- Летчики, если будете отворачивать, то только влево.

- Никуда я не отверну, - ответил Пусэп, - я и так машину с трудом удерживаю на курсе. Не пойму, что с ней сталось, рули, что ли, где повреждены? А стреляют здесь жидковато!

- Отверни хоть немного от этого прожектора. Стал на дороге и стоит, как свеча.

- Ничего, проскочим, да он и сам отвернёт. Не всё же он будет так стоять. Вот и отвернул, видишь?

- Штурман, впереди облака. Как будем итти: вверх, вниз или прямо?

- Как хотите, только курс держите получше, а для меня всё равно, что внизу, что вверху.

И самолёт зарылся в густые облака, надёжно спрятавшие нас от всех нехороших глаз.

Темно стало и в самолёте и в воздухе. Концов плоскостей не видно. Самолёт как бы под душем. Внутри ручьями льётся дождевая вода, забирается за воротник, течёт по спине. Карты и журналы намокли. Борттехники чего-то завозились у себя и зажгли яркий свет, ослепивший лётчиков. Приборов не стало видно. Машина потеряла прямолинейное движение. Пилот кричит техникам, чтобы те выключили свои огни, а техники не слышат - у них выключены телефоны. Меня прижимает к борту. Высота быстро падает, скорость растёт. Мы вываливаемся из облаков со свистом, как-то боком.

Пилот выравнивает машину. Борттехники, поняв, наконец, что от них требуется, выключили свет.

Земля снова встретила нас зенитками и прожекторами. Пилот лезет в облака. Но курс - боже мой! Какой это был курс! Только что мы летели домой, а сейчас компас показывает обратный путь. Что-то у лётчиков происходит неладное. Требую держать курс.

Не успели установить машину, как у пилота сама по себе зажглась сигнальная лампочка и ослепила его. Приборов снова не стало видно, и мы снова вывалились из облаков. Пока радист дотянулся до пилотского щитка и вывернул злополучную лампочку, самолёт уже был под облаками на высоте полторы тысячи метров. Тут Водопьянов предложил держать машину на этой высоте, в облака не залезать, а если будут стрелять - чорт с ними, пускай стреляют - не попадут.

Пока возились в облаках, мы и не заметили, что уже почти совсем рассвело. Земля хорошо просматривается. На редких дорогах заметно большое движение - немецкие войска направляются в сторону Ленинграда. Где-то ещё впереди линия фронта, нам бы до неё дотянуться!

Пошёл дождь. Земля как сквозь сетку виднеется. Стало немного легче: перестали беспокоить зенитки.

Справа от нас большое озеро. Отмечаю на карте. По маршруту идём хорошо. Только бы горючего хватило дотянуть.

- Штурман, сколько осталось лететь? - спросил Водопьянов.

- Сорок минут, Михаил Васильевич.

- Сколько горючего осталось в баках?

- На пятнадцать минут, не больше.

- Да. Дела неважные! Ты там, штурман, смотри хорошо на землю и замечай, что к чему. Как бы нам к немцам в лапы не угодить.

- Есть, смотреть! В лапы немцам не угодить!

Идём по северному берегу Чудского озера.

Здесь много дорог, и все они забиты немецкими войсками. А вот, наконец, и линия фронта. Внизу под нами клубы дыма, выстрелы, взрывы, земля, взлетает кверху. Идём низко, но никто не беспокоит - видно, на земле не до нас, да и не слышно наших моторов из-за сильной канонады.

Но что это? Мы хорошо слышим артиллерийскую канонаду и резкий стук пулемётов. Одна секунда, и сразу стало всё ясно; горючее кончилось, баки пусты и моторы стали.

- Михаил Васильевич, куда будем садиться? - спросил Пусэп.

- Ладно, Эндель, брось штурвал, сам посажу.

Под нами леса, озёра и немцы. Выбор для посадки ограниченный.

- Экипажу уйти в хвост, - скомандовал Водопьянов и направил самолёт в густой лес.

А дальше удар, и страшный...

- Ну, вот и прилетели, - раздался в наступившей тишине спокойный голос Водопьянова. - И, кажется, неплохо сели. Ну как, все живы?

- Все живы и невредимы! - отозвались хором с хвоста.

- Посадка хорошая, мягкая, даже лучше, - добавляю я, - чем на аэродроме.

У разбитой машины собрался весь экипаж.

- Вот так штука, - говорит Водопьянов, - летели-то вроде и людей в самолёте не видно было, а теперь собрались в кучу, выходит нас целый отряд. Ну, если сюда добрались, то отсюда как-нибудь тоже выберемся. Докладывай, штурман, обстановку.

- Вот здесь мы находимся, а вот сюда, левее, немцы клином вдались до самого берега, откуда они по нас вчера вечером и вели огонь, а вот сюда, справа, движется второй немецкий клин. Таким образом, нам один путь - на север, к заливу, а там, по всей вероятности, встретим свои части и уже с их помощью будем выбираться дальше домой.

- Ладно. Машину сжечь, - распорядился командир, - а самим взять необходимое и выбираться отсюда поскорее, пока эти собаки не нагрянули. Быстро тащите сухие ветки, разжигайте костёр и облейте самолёт маслом.

Чёрный густой дым окутал самолёт.

Мы шли гуськом. Впереди с компасом в руке, держа прямой курс на север, штурман. За ним цепочкой остальные, замыкал шествие командир самолёта.

Вчера в это время с дальнего аэродрома мы поднялись на самолёте. Потом ленинградский аэродром, жаркий день. Потом ночь, длинная, как год, прожекторы, зенитки, взрывы бомб, угарный дым в самолёте.

Когда всё это было?

Когда же мы спали в последний раз? Давно, очень давно! А спать нисколько не хочется. Можно ещё сутки, двое, трое, сколько угодно не спать и вот так шагать. И ноги не болят и усталости нет никакой. Дождь не мешает, с ним даже лучше - расстёгивай гимнастёрку, подставляй грудь и шею тёплому, нет, горячему дождю. Ветки хлещут, брызги летят, ноги вязнут. Ничего!

Ветки раздвигай грудью, раз руки не слушаются! Ногу вытягивай сильнее из болота и шагай только прямо, только прямо - так надо маленькой стрелочке на компасе.

В лесу, в густой траве под ногами бегают выводки молодых тетеревов и куропаток. Вот они совсем близко, рядом. Но нет - нельзя задерживаться ни на минуту.

Путь пересекла поляна. На поляне хутор. Дымится пожарище.

Одиноко торчат печные трубы во дворе, обгорелые и исковерканные сельскохозяйственные машины.

Снова лес. Колючие ветки, брызги. Полдень, а всё так же серо, и дождь моросит, как из густого сита. Прямая далёкая лесная просека идёт по стрелке компаса. А вот и море в конце просеки. Ноги сами несут. Скорей, вот оно, наше голубое море, вот за этими ветками. Нет, ошибка, не за этими, а вот за теми, немножко дальше. Ну, ещё немного усилий, вот оно уже совсем близко, видна даже рябь на нём.

- Товарищ штурман, - шепчет сзади стрелок, - это не море, это от дождя кажется. Я сам вначале думал, что море, и бежал за вами. Скажите, далеко ещё до моря?

- Близко, совсем мало осталось. Только не надо останавливаться, а то тогда не дойдём. До моря надо дойти непременно сегодня.

Где-то бухает. То ли артиллерия, то ли авиабомбы? В какой стороне - в лесу не поймёшь. Прогудел самолёт. Мотор с завыванием - фашист! Наверное, он же и бомбы бросил. Снова тихо. Только шум дождя да чваканье наших размокших меховых сапог.

Через десять часов беспрерывного шагания лесная просека привела нас к железной дороге на берегу моря. На станции наши войсковые части. Вид у нас был такой, что при нашем появлении бойцы взялись за оружие. Но вскоре всё уладилось.

В сторону Ленинграда уходила автоброневая колонна. С ней мы и пошли. Говорили, что этой колонне приходилось по дороге прорываться с боем. Не знаю, не видел, не слыхал - на мягком сене в одной из машин мы всю дорогу спали мертвым сном.

К утру мы уже были дома. Оказалось, что полк наш перебазировался под Москву. На аэродроме оставался один лишь полковник Лебедев, специально нас поджидавший. Тотчас же мы вместе с ним вылетели.

На подмосковном аэродроме, прощаясь с нами, полковник Лебедев сказал:

- Ну вот, денька три отдохните и отправляйтесь на завод за новой машиной. Экипаж у вас хороший, опыт уже есть, и дело у вас должно пойти хорошо. Идите, найдите своих жен, они где-то здесь работают, да приведите себя в порядок, а то вас, пожалуй, и жены не узнают.

Ночью при первых же звуках сирены наши жёны настойчиво тянут нас в лес и с таким знанием объясняют, как опасно оставаться в комнате, что переспорить невозможно.

Тихая августовская ночь. Полная луна высоко в небе бросает тени на лесную поляну. В беспорядке разбросанные лёгкие белые

облака неподвижно висят в небе. В сторону Москвы небо сверкает тысячами белых и красных разрывов зенитных снарядов. Сотни прожекторов рыскают - скрещиваются, расходятся, гаснут, опять вспыхивают. Ухают дальние взрывы. Огневая завеса разрывов и прожекторов перемещается по небу всё ближе к нам. Всё ближе и громче стрельба и разрывы снарядов. В звук канонады вклинивается завывающий звук мотора. Вспыхивают прожекторы. С крыши нашего дома начинают стрелять. С рёвом взлетают ночные истребители. Где-то близко ухает бомба. Листья густо падают с деревьев. Все звуки слились воедино. Жена дрожит и тянет меня в укрытие. Мы же с Пусэпом определяем тип самолёта и на какой высоте он летит. Звуки моторов удаляются, а вслед за ними уходит огневой вал разрывов и лучи прожекторов. Снова наступает тишина.

Ночь такая тёплая, такая светлая, что всё скоро забывается. Спать не хочется.

Мы сидим на мягкой траве под курчавой берёзой. Говорим о красоте природы, о юности, о том, что хорошо быть вместе. Мы говорим, что борьба будет жестокая и что в этой борьбе жалеть себя нельзя. Добившись от жены обещания больше не бояться воздушных тревог, мы уходим в комнату, залитую лунным светом. В открытое окно тянутся душистые зелёные ветки.

5

Не выдержав и трёх положенных для отдыха дней, мы ранним утром улетели на завод получать новый самолёт. Пролетаем над лесами, и кажется нам, что вот в таком примерно месте мы посадили свой самолёт. Никто из нас не может забыть потери. Каждый чувствует свою вину, а я особенно. Вот только бы получить машину, её-то уже мы будем беречь.

Завод работает попрежнему день и ночь. Всё чаще и чаще открываются большие ворота, и готовые самолёты выкатываются на лётное поле.

У нас все начинается сначала - приёмка самолёта, снаряжение, облет. Уходим мы с лётного поля лишь к ночи, приходим спозаранку - стараемся не терять ни одной минуты. В один из таких страдных дней на заводской аэродром спустился четырёхмоторный бомбардировщик нашего полка. Экипаж был нам хорошо знаком. От него мы узнали много нового о работе наших товарищей. Каждую ночь вылетают все самолёты бомбить танковые колонны и железнодорожные узлы противника. Прилетевший экипаж бомбил танковую колонну на шоссе. Высота была небольшая, у самолёта оказался подбитым один мотор и несколько осколков попало в крылья и фюзеляж. Чтобы не терять зря времени, экипаж решил возвращаться не на свой аэродром, а

прямо на завод для ремонта. На трёх моторах, с горючим на пределе самолёт дотянул до завода. В тот же день бригада рабочих полностью залечила машину. Вечером боевой самолёт улетел бомбить немецкие танки.

Да, для того чтобы остановить немцев, нужно много самолётов, нужно много летать и бомбить, бомбить, без конца бомбить. Работали мы много, но прилёт раненого бомбардировщика напомнил нам ещё раз о том, что время не ждёт. У нас нашлись силы, мы стали работать ещё больше, урезая и без того короткий отдых.

...Аэродром, куда мы прибыли с завода на новом самолёте для постоянной базировки, совсем не был похож на аэродром. Только стартовые сигналы, выложенные на поле, указывали, что это есть наш аэродром. После посадки самолёт бежал по неровному, бугристому полю, сильно подпрыгивая при сильных толчках. Водопьянов предупредил, чтобы мы берегли языки.

- Ну, и аэродром, пара посадок - и можно ещё и без печёнок остаться. Посмотрите, куда рулить. Ни черта не пойму.

- Рулите, Михаил Васильевич, вон туда, к тому леску, там машут нам белым флагом.

- Ладно, теперь и сам вижу.

Самолёт подрулил к лесу и остановился. Подошёл трактор, зацепил за хвост и потащил в лес. На машину тотчас набросили зелёную сетку. В этом лесу, окаймлявшем лётное поле, стояли замаскированные все наши самолёты.

Мы влились в свою боевую семью. На счету нашего полка уже были сотни тонн сброшенных бомб.

Один за другим улетали наши корабли на север, на другой, хорошо оборудованный аэродром, где, зарядившись горючим и бомбами, ночью уходили бомбить врага.

- А почему нас не посылают?

- Ничего, ребята, больше ждали, а сутки уж как-нибудь потерпите. Сегодня осмотрим ваш корабль. Завтра полетаете на нём здесь, а к вечеру можете отправляться на боевой аэродром, - успокаивал нас командир полка.

С рассветом следующего дня наши корабли вернулись с боевого полёта бомбили железнодорожные узлы. Лётчики на рассказы были скупы - для них война уже стала привычным делом.

После облёта и проверки самолёт был зачислен в число боевых, и в тот же день мы вместе со всеми вылетели на аэродром подскока, с которого ночью должны будем лететь на боевое задание.

Это был большой, ровный аэродром, на котором и садиться

спокойно, и взлетать можно с большой нагрузкой, не рискуя остаться без печёнки. Здесь было много самолётов разных типов, но в основном ночные бомбардировщики.

Задолго до срока вылета вышли мы к самолёту. Невероятным казалось в такую тёмную ночь не только найти цель - самый взлёт и полёт казались невозможными. Но постепенно глаза привыкли к темноте. На аэродроме сплошной гул работающих моторов. В разных концах сверкают разноцветные огни бортовых сигналов и глушителей моторов. Здесь одновременно идёт и взлёт самолётов, уходящих с бомбами на запад, и посадка вернувшихся с боевого полёта. Стартовые огни сверкают двумя полосами через весь аэродром. На короткое время зажигается прожектор. В его свете садится самолёт, сверкая серебром крыльев, отруливает в сторону и скрывается в темноте.

6

Мерцая бортовыми огнями с фиолетовыми огоньками от глушителей, выруливают на старт наши гиганты и, скрываясь в темноте, уходят на запад...

Выруливаем на старт и мы. Нам надлежало разбомбить крупный железнодорожный узел. Самолёт бежит по ровному полю меж двух рядов огней. Незаметный отрыв от земли. Слева мелькают красные лампы на высоких мачтах, и вот уже со всех сторон только чёрный мрак.

На секунду представилась мне Арктика летом, в полярный светлый день. Прозрачный воздух, видимость беспредельная... А мы там чего-то суетились, волновались, переживали и считали некоторые полёты сложными и трудными. Какой чудесной прогулкой покажутся нам после войны полёты над Арктикой!

- Да, темновато, - нарушил молчание Водопьянов. - Алло, штурман, ты что-нибудь видишь?

- Вижу хорошо, как винты вращаются, а больше ничего не вижу.

В кабинках потушены все огни, но фосфор на приборах так ярко светится, что, кажется, он мешает видеть землю. Внизу какие-то пятна - ничего определённого, а ведь надо видеть не тени, надо хорошо видеть, что на земле находится.

Ну, шире глаза! Смотреть в одну точку. Ничего не получается. Поступим иначе, закроем глаза, зажмём крепко веки. Теперь откроем - кое-что уже видно. Вот дорога. Вот лес, деревня, речушка. Теперь всё в порядке.

На востоке поднимается тяжёлый тонкий серп луны. Постепенно становится светлее.

По серебристой лунной дорожке на зеркальной поверхности узнаём Московское море. Узкой лентой, блеснувшей слева от нас,

окаймляет Волга Калинин. Чернеют мосты, перекинутые через реку.

За первый час полёта с обстановкой свыклись. Ночь кажется не такой уж тёмной. Погода отличная. Настроение приподнятое. Похоже на то, что успех полёта обеспечен.

От излучины Волги меняем курс. Впереди сотни километров однообразной местности без крупных ориентиров. Будут маленькие речки, просёлочные дороги, сёла, деревни. Но разве их увидишь ночью с большой высоты? Нет, я на них и не рассчитываю, все расчёты строю на железную дорогу и автостраду, которые должны привести нас к цели.

Только бы хорошая погода, вот такая, как сейчас, удержалась до конца нашего маршрута!

Но нам не повезло - погода всё-таки испортилась.

Вначале появились отдельные облака. Затем они стали сгущаться, и вскоре только изредка сквозь разрывы облаков мелькала тёмносерая полоса земли. На облаках появились большие яркокрасные пятна - отсветы пожаров. На земле шла война.

Скоро должна быть дорога, от которой надо поворачивать на новый курс. Но из-за этих облаков не то что дороги - и цели не увидишь.

Прошу пилотов снижаться. Самолёт зарылся в облака. Иней покрыл стёкла кабины.

На высоте 2000 метров выскочили из густого облака, на секунду под нами блеснула наезженная шоссейная дорога и скрылась. Мы снова попали в облака. Спиралью спускаемся вниз и никак не можем найти дорогу, а она ведь где-то здесь, рядом, под нами.

Высота 1000 метров, отдельные облака ниже нас.

Но где же эта чортова дорога?

Привлекаю весь экипаж на помощь себе искать дорогу.

За штурвалом наш новый пилот Мосалев. Маленького роста, он кажется ещё меньше на нашей громадине. Вслепую, спиралью ведёт он машину так, что я, стоя в кабине, не ощущаю эволюции самолёта.

- Алло, Мосалев! Давай виражи ещё ниже!

- Виражу, - отвечает он.

- Какое там "виражу", когда я не чувствую.

- А это потому, что правильный вираж. Вот сейчас смотри и держись, сделаю неправильный.

Я не успел удержаться, меня сильно бросило на сиденье к левому борту, и я крикнул:

- Довольно неправильных виражей, я уже почувствовал...

Высота 700 метров. Весь экипаж ищет со мной утерянную дорогу. Водопьянов, перегнувшись через борт, кричит Мосалеву:

- Больше вираж! Ещё ниже!

Кто-то громко крикнул:

- Вот она, дорога, справа под облаками!

Снизившись до 600 метров, мы на этот раз крепко прицепились к дороге и пошли вдоль неё, к цели. Вспыхнул прожектор, и луч его упёрся в самолёт. Близко прошла цепочка трассирующих пуль. Бросаем светящиеся бомбы и отворачиваем в сторону от огневой трассы и прожектора.

Под нами город и железнодорожный узел, освещённый светящимися бомбами, - цель нашего полёта. Отошли подальше и, ориентируясь на прожектор, не теряя из виду дороги, идём к цели.

Машина вздрогнула - открылись бомболюки. Прожектор слепит глаза. Пулемётная очередь проходит близко, совсем рядом с самолётом. Закрывшись рукой от прожектора, лёжа на животе, кричу:

- Правее, больше вправо! Так держать!

Дорога расширяется. Появляются станционные постройки, вот и весь узел. Поймав в прицел станцию, быстро дёргаю несколько раз за ручку. Самолёт снова вздрагивает - бомбы ушли вниз, и через несколько секунд, брызнув яркокрасным огнём, одна за другой разорвались на путях, среди эшелонов. Последняя разорвалась рядом с прожектором и пулемётом. Прожектор погас, и пулемёт замолчал.

Взрывы бомб встряхнули машину. Самолёт взмыл кверху, залез в облака и по старому пути пошёл домой.

Я вытер вспотевший лоб, закрыл бомболюки и записал в журнал время и высоту бомбометания.

Экипаж долго не мог успокоиться. Все наперебой говорили о том, как хорошо отбомбились и как хорошо сделали, что снизились.

На высоте 7000 метров вышли за облака и поверх них продолжали полёт на восток.

Радиокомпас безошибочно указывал верность взятого курса.

На востоке горизонт алел и зарёй разгорался. Облака оборвались. Под самолётом прошло Московское море, с редкими клочьями утреннего тумана. Отсюда полёт со снижением высоты. Яркое солнце морозного утра брызнуло белым огнём и залило светом землю.

В разных местах от нас стали видны чёрные точки, большие и малые, близкие и далёкие. Это были наши самолёты, возвращавшиеся с боевого задания.

После шестичасового полёта мы снижаемся на своём аэродроме. Вслед за нами садятся другие самолёты.

Утренняя тишина когда-то глухого, далёкого и тихого лесного уголка нарушается гулом мощных моторов. В воздухе тучей стоит пыль. Моторы выключены. Выходим из самолёта на землю, разминаем отекшие члены и закуриваем.

На командном пункте, в штабе части, экипажи отчитываются о результатах ночного полёта. Все корабли отбомбились по заданным целям. Командир части и друзья поздравляют нас с благополучно законченным боевым полётом.

В то время нам всем казалось, что полёт совершён отлично, что мы уже все знаем, что теперь дела пойдут хорошо и без потерь. Впоследствии, уже после ряда ночных полётов, нам стало ясно, что мы ещё очень многого тогда не знали, летали больше сердцем, чем разумом.

В столовой за завтраком стоит гул. Разгорячённые лица, широкие жесты, открытые сердца. Каждый чувствует себя героем. Столько впечатлений, что нехватает слов их выразить.

Только улегшись в постель, я почувствовал усталость. Быстро засыпаю и во сне вторично переживаю то, что было наяву. Стреляют пулемёты. Прожектор слепит глаза. Бомба отделяется от самолёта и медленно летит вниз. Яркий всплеск огня, слышу сильный взрыв. Открываю глаза. Жена собирает осколки разбитого графина и говорит мне, что время вставать, - вызывают в штаб на проработку задания.

- Откуда же ты наберёшь столько графинов, - говорю жене, - чтобы каждый раз, как меня будить, разбивать по одному?

- Графин разбился случайно, не придирайся, пожалуйста. Будить тебя я только собиралась. а ты уже и проснулся. Ну, рассказывай, что снилось?

- Да всё то же, что было в полёте: долго искали цель, низко летали, а проснулся оттого, что бомба разорвалась, а оно, видишь, оказалось не бомба, а графин.

- Мне рассказывал Водопьянов, как ты их крутил ночью на малой высоте.

- Что ж, если ничего не видно, а очень уж хотелось выполнить задание, да и сердцу приятное сделать.

- А ты задание выполняй, а про сердце пока забудь. Лучше разумом работай, а то я знаю твоё сердце - того и гляди заведёт куда-нибудь в беду.

- Без сердца много не навоюешь. Да и откуда тебе знать, как нам воевать надо? Подумаешь, учитель бомбометания нашёлся! Ну, пока, до завтра. Утром встречай, да найди новый графин, а то нечем меня будить будет.

В штабе собрались командиры кораблей и штурманы. Полковник Лебедев зачитывает новый боевой приказ и делает указания.

7

Сегодня в ночь вылет в те же края, цель будет указана дополнительно на аэродроме подскока, куда надо сейчас вылетать.

Через пятнадцать минут полёта посадка на аэродроме, где для каждого из наших самолёто_в уже приготовлены бомбы и горючее.

Наш маршрут - Смоленск. Цель - бомбить аэродром.

Лётчики, бывавшие ранее на этой цели, говорят нам, что только после полёта на Смоленск экипаж может считаться "видавшим виды".

Совсем стемнело. Идём в аэродромную гостиницу, держась друг за друга.

При тусклом свете готовимся к полёту. Расстелив карту на. полу, лёжа на животе, чертим линии, рассчитываем путевые углы, расстояния и время.

Луна ещё не взошла. Темно. Земля, затянутая осенним морозцем, звенит. Самолёты по двойному конвейеру взлетают и садятся. Зелёные и красные лампочки движутся по кругу. Взвиваются ракеты всех цветов.

Воздух гудит сотнями моторов. На земле в разных местах фиолетовые языки от глушителей повисли в воздухе. Самих самолётов в темноте не видно.

С трудом находим свой самолёт и занимаем рабочие места. Подходит время нашего вылета. Моторы запущены, и тяжёлый самолёт медленно и важно рулит по затвердевшему полю. Тяжёлое колесо проваливается сквозь тонкую кору замёрзшей земли. Самолёт дрожит и, как конь, провалившийся на льду, судорожно выскакивает из ямы. Пищат и воют тормоза.

Дан сигнал. Отрываемся от поля и проваливаемся в темноту. Курс на запад.

Темнота жуткая, и, чтобы хоть что-нибудь видеть под собой, решили лететь на малой высоте.

Вся наша надежда на луну и Московское море.

И надежда нас не обманула. Блеснула дорожка на воде. Это Московское море. Уточнили своё место и пошли спокойно, с набором высоты.

В городе Старица, за Калининым, где Волга поворачивает и уходит на юг, большой пожар - где-то близко немцы.

По огневым частым вспышкам, ракетам и мелким пожарам определяем линию фронта.

Дальше опять темно. Лишь изредка отражение луны мелькнёт на озере.

Появились облака и плотной массой скрыли и без того тёмную, мрачную землю. Мы несколько приуныли. Как изменение давления заставляет стрелку барометра отклоняться, так и облака влияют на настроение лётчика.

Но по прогнозу над целью должно быть безоблачно. Это поддерживает в нас уверенность, что всё будет хорошо. А хорошо для нас может быть только одно увидеть цель и точно на неё положить все наши бомбы.

Наконец, облачность оборвалась, и при бледном свете луны блеснул наш родной Днепр; на изгибе его находится наша цель.

Вспыхнул прожектор. "Так, так, - думаю про себя, - давайте, зажигайте прожектора, показывайте своё логово, начинайте стрелять, заглушайте своей пальбой шум наших моторов".

Вспыхнули десятки прожекторов. Одни лучи были спокойные, скользили как бы во сне, нехотя, и часто совсем затухали. Другие, наоборот, были слишком подвижные и бросались из стороны в сторону.

Поднялась стрельба из всех видов оружия. Трассирующие снаряды, как длинные ленты серпантина, тянулись со всех сторон вверх, и там, где они скрещивались, образовывался огненный шатёр. Более крупные снаряды светящимися яблоками летели вверх и, достигая предельной высоты, на какое-то мгновение останавливались, и тогда казалось, что их можно достать рукой; затем они медленно опускались и где-то внизу затухали. Другие снаряды были во время полёта невидимы и большими огненными шарами рвались на нашей высоте. Вначале мы себя чувствовали не очень уютно в этом кипящем котле, но, оказывается, можно ко всему привыкнуть, и мы привыкли и даже как-то приспособились.

В это время наши товарищи из передних самолётов принялись за работу. Над целью повисли осветительные бомбы. Весь земной малокалиберный огонь устремился на эти повисшие большие факелы. Но тотчас же на цель посыпались бомбы всех калибров. Возникли пожары, а бомбы всё ложились и ложились. Прожекторы вскоре затухли, орудия замолчали. Похоже было, что прислуга или разбежалась, или её перебили.

- Красивая картина, - говорит Водопьянов.

- Ну, Михаил Васильевич, кажись, и наша очередь подошла. Заходи вот на тот большой пожар. Это и есть наша цель. Вот так, хорошо. Держи машину ровнее - открываю люки! Чуть-чуть доверни правее. Так держать!

Нажимаю кнопку. "Ну, милые, пошли, да дай вам бог удачи".

Через тридцать томительно долгих секунд внизу, возле

большого пожара, образовался новый большой пожар, рядом с ним - ещё, чуть поменьше, и что-то стало рваться, разметая пламя во все стороны.

В самолёте пронёсся вздох облегчения. Экипажу, удачно отбомбившемуся, да ещё такому молодому и неопытному, как наш, было о чём говорить, кричать и смеяться.

Домой итти легко и приятно. Весёлого настроения хватило на весь обратный путь. С восходом солнца сошлись несколько наших кораблей и строем клина, близко друг к другу, подошли к своему аэродрому.

Под звон бокалов в столовой предложено было много хороших тостов. Улыбающиеся лица, сверкающие глаза, тёплые слова для друзей и грозные для врагов. Что может быть лучше этого момента? Глядя со стороны, никто бы не мог сказать, что вот эти люди пережили тяжёлый взлёт в темноте, длительный ночной полёт и что глаза этих людей видели море огня, направленного на них.

Во сне опять в полёте. Летим высоко-высоко, а внизу цепочки трассирующих пуль летят в нашу сторону, всё ближе и ближе к нашему самолёту. Вот они уже пронизали самолёт и сильно застучали по плоскости. Открываю глаза. Жена стучит на пишущей машинке.

- Ну, что, опять летал во сне?

- Летать-то летал, а вот зря ты машинкой здесь стучишь, когда я сплю.

- Подниматься тебе пора, вот я и застучала. Думаю, что услышишь и сам проснёшься. А насчёт полётов во сне - так это с непривычки. Привыкнешь немного и перестанешь такие сны видеть.

- Ты так говоришь, как будто бы сама много летала.

- Летать не летали, а насчёт снов кое в чём разбираюсь. Ну, ладно, не спорь, раз не понимаешь, да ночью, когда полетите, будь осторожен.

- А кто же немца будет бить, если я буду только и думать что о твоих советах?

- Да разве я говорю, чтобы ты немца не бил? Бей его побольше, но изредка и мои советы вспоминай.

8

Наша очередь вылетать во вторую половину ночи. Полёт на ближнюю цель, по переднему к.раю противника, который рвётся к Калинину. Летим с Пусэпом.

Погода отличная, тихая, ясная морозная ночь. Для нас вылет в темноте стал уже почти привычным делом. Спокойно стартуем вслед за одним из наших кораблей. Впереди нас, в лесу,

вспыхнуло большое красное пламя.

- Лётчики! Отворачивайте подальше от пожара, - кричу я.

- А что это горит? - спросил Пусэп.

- Горит самолёт Федоренко.

Федоренко наш старый товарищ, полярник.

Пожар разгорается. Взрываются бензобаки, разбрызгивая далеко горящий бензин.

- Крепче машину держите, сейчас бомбы взорвутся, - предупредил я лётчиков.

Осветив всё вокруг, высоко взлетело огромное пламя - взорвались бомбы. Нашу машину сильно тряхнуло, и сквозь шум моторов до нас донёсся грохот разрыва бомб.

Да, вот где смерть нашла полярного лётчика Федоренко... Тяжёлое чувство вползает в сердце, но не время, не время теперь об этом думать. Кончим войну, помянем Федоренко и других товарищей, впустим в сердце и грусть и печаль. А сейчас...

- Лётчики! Держите курс! Чего разболтали машину? Пять градусов правее! Так держать!

Луна сегодня никак не помогает нам. Весь расчёт на пожары в районе цели и "а свои осветительные бомбы. Далеко, за сотню километров, мы увидели на горизонте красное зарево большого пожара - горит Калинин.

За городом, в южной части, на дорогах скопились немецкие танки. С рассветом они пойдут в атаку на горящий город. Цель нашего полёта разметать и поджечь танки, посеять панику, сорвать подготовку к атаке, нарушить связь.

На юге, за горящим городом, там, где должны быть танки, сплошная облачность закрывает от наших глаз землю. Только красные пятна на облаках показывают, что самолёты, прибывшие на цель раньше нас, уже действуют.

Облака плотные и без просветов. Цель под нами. Бомбить сквозь облака не решаюсь. Медленно делаем большие круги над огненными пятнами. Всё чаще рвутся бомбы под нами. Высота 1500 метров. "Откуда наши бомбят? С какой высоты можно бросать бомбы? Какая высота нижнего края облаков?"

- Александр Павлович! Что будем делать? - спрашивает Пусэп.

- Поворачивай на север, веди обратно до Калинина, туда, где пожары. Там снизимся и пойдём на цель под облаками.

- А какая высота нижнего края облаков?

- Наверное, достаточная для бомбометания, если все корабли бомбят из-под облаков.

- А откуда ты знаешь, что из-под облаков?

- А иначе были бы осветительные бомбы над облаками, а ни

одной не видно.

- Ну, добре, делай как лучше, тебе виднее, на то ты и впереди сидишь.

- Сделаем так, чтобы не стыдно было домой возвращаться. Ну, вот, теперь давай поворачивай на юг и со снижением держи прямо через пожары, так, чтобы самолёт вышел под облака в самом начале их. Когда будешь проходить над пожарами, не забудь покрепче машину держать, - болтать там будет сильно.

- Ладно, это я и без твоего совета знаю, - проворчал лётчик, направляя машину в самую гущу пожаров.

Высота 700 метров. Под нами охваченные пламенем кварталы Калинина. Рвутся артиллерийские снаряды. Город непрерывно обстреливается. Машину сильно подбросило вверх, потом вниз. Кто-то из экипажа отчаянным голосом крикнул: "Держите машину!"

- Ладно, без паники, - сказал лётчик, выравнивая самолёт. - Однако здорово тряхнуло, чуть с сиденья не выбросило.

Пылающий город остаётся позади, всё темнее становится земля. Облака, плотные и густые, опускаются всё ниже.

- Эндель Карлович! Держи чуть пониже машину, а то ни черта впереди не видно.

- Есть, держать чуть пониже, - отвечает лётчик и как бы про себя добавляет: - На этой высоте нас из автомата могут достать.

Высота 500 метров. Едва заметен перекрёсток дорог. Нажимаю секундомер. Лежу на животе в кабине, глаза - на секундомер и на землю, рука - на рукоятке бомболюков.

- Лётчики! Держать прямо машину. В облака не входить. Пройдём над целью, просмотрим хорошо, что к чему, выберем, где погуще танки стоят, сбросим осветительные бомбы, отметим место, а бомбить будем обратным курсом, - предложил я свой план бомбометания.

- Хорошо, выбирай что получше, а я здесь в случае неприятностей сразу залезу в облака, - ответил Пусэп.

Между двух шоссейных дорог большая ровная поляна, на которой пылающие костры освещают багровым заревом облака.

Горят танки и машины, разбрызгивая вокруг себя горящий бензин. Между костров видны люди. Они пытаются оттащить здоровые машины. Пожаров так много, что бомбы бросать некуда. С земли в нашу сторону несутся две тонкие струйки трассирующих пуль. Они близко проходят от самолёта, и пилот машинально задирает машину, пытаясь войти в облака.

- В облака не входить, - кричу я, - Чуть пониже держи.

Две дороги сходятся и пересекаются. Быстро дёргаю два раза рукоятку, и на землю летят две осветительные бомбы.

Рассчитанные на большую высоту, они загораются уже на земле. Они будут служить ориентирами для захода на цель.

Как ни быстро мы проскочили через перекрёсток, я заметил, что танковая колонна, застигнутая врасплох нашим налётом, ищет спасенья по дорогам. На перекрёстке двух дорог образовалась большая пробка из танков и машин, куда я и сбросил свои первые две бомбы, использовав их не по прямому назначению.

Секундомер показал, что это место и есть заданная цель. Очень трудно, когда кругом всё горит, когда самолёт виден как на ладони и по нему стреляют все, кому не лень, - очень трудно в эти минуты работать с такими вещами, как секундомер. Но это необходимо для уточнения места, где был обнаружен противник.

- Лётчики, разворачивайте на сто восемьдесят градусов и держите курс на наши две бомбы, горящие на земле. Да побыстрее разворачивайте машину, чтобы не успели их потушить.

- Не потушат, бо они горячие, - шутит Пусэп, заложив крутой вираж чуть не под 90 градусов.

- Товарищ штурман! Надо влево довернуть, чтобы выйти на наши бомбы, подал признаки жизни носовой стрелок Федорищенко.

- Хорошо! Направляй машину, тебе там виднее.

Дёргаю ручку. Пламя горящих на земле бомб хорошо освещает весь перекрёсток, и я убеждаюсь, что здесь, действительно, очень много машин. Сердце радостно стучит, вот-вот выскочит. Видны люди, пытающиеся оттащить горящие бомбы от машин. Застрочил пулемёт.

- Немного влево! Так, хорошо. Теперь держи ровно. Нажимаю кнопку.

- Можно в облака входить? - спросил Пусэп.

- Рано ещё. Надо рассмотреть, куда бомбы попали.

В самом центре перекрёстка одна за другой взорвались бомбы, и на секунду всё застыло, Сердце, кажется, остановилось. Неужели не загорится?

Машину очень сильно подбросило в самые облака, но страха не было. Другое чувство его опередило...

На месте разорвавшихся бомб взметнулось, осветив облака, огромное пламя.

Это вам за Калинин, за всё, что вы, мерзавцы, сделали!

Заложив глубокий вираж, Пусэп развернул машину влево.

- Александр Павлович! Пройдём ещё раз, просмотрим, что мы там наделали.

- Стрелки! Внимательно смотрите, считайте пожары!

Заходим третий раз. Быстро проносимся, сопровождаемые

огненными струями, и видим, что наши бомбы и немного дальше бомбы товарищей удачно попали в самую гущу большой колонны танков, ставших теперь очагами пожаров.

Той же дорогой возвращались мы домой, ещё раз прошли над затянутым дымом пожаров Калинином. Сердце сжималось от гнева - хотелось повиснуть над ними, проклятыми, и бросать, бросать бомбы, без конца...

9

Немцы напирают на Москву. Все подмосковные аэродромы забиты самолётами. Они летают день и ночь, сдерживая натиск врага. На аэродромах тесно. Поэтому нам приказано летать на бомбардировку с аэродрома базирования.

О том, какой это был аэродром, я уже рассказывал. Если бы в мирное время у лётчика отказал мотор, он, наверное, распрощался бы с жизнью при мысли о посадке на таком поле. А сейчас это аэродром, причём аэродром мощных сверхдальних бомбардировщиков.

Лётное поле немедленно принялись ровнять и готовить для взлёта тяжёлых кораблей с полной бомбовой загрузкой.

В густом лесу, вблизи стоянки самолётов, экипажи роют землянки, рубят лес. У каждого экипажа свой "архитектор". Нашу землянку спроектировал техник Вагин так, что единственное окно и то выходило на север. В землянке было и днём темно.

У самолётов день и ночь кипит работа - идёт беспрерывное изучение и освоение сложной материальной части. На людей напала какая-то горячка. В столовой на скорую руку поедят - и бегом к самолёту, урывками соснут часок-другой - и снова за работу. А работы у каждого экипажа очень много. Нужно так подготовиться, чтобы не только ни один вылет не был сорван (об этом не могло быть и речи), но чтобы вылетать точно в намеченное время.

Незаметно подкралась осень. Раскис мягкий аэродром, залило водой с таким трудом построенные землянки.

Низкие свинцовые тучи нависли над полем. Круглые сутки идёт густой дождь.

Временами, днём, за облаками уныло гудит немецкий самолёт. Изредка бросит он по одной бомбе, пытаясь попасть в железнодорожный мост вблизи нашего аэродрома. На наших самолётах дежурят пушкари-стрелки, готовые отразить огнём самолётных пушек нападение на наш аэродром.

Через поля, леса, а то и через наш аэродром, тяжело ступая по грязи, медленно идут на восток большие стада скота. Движутся телеги, нагружённые всяким домашним скарбом. С узлами на плечах проходят женщины, дети и старики.

Душа места не находила - тяготило вынужденное бездействие из-за погоды. Злость душила и в горле комом стояла. Всё сделано, проверено и ещё раз переделано. Всё предусмотрено, приспособлено и учтено до мелочей. А главное, всё то, что нас ожидает, так продумано и много раз внутри себя пережито, что, казалось, никакая неожиданность не могла застать нас врасплох.

Настроение было такое, что ничто нас не могло остановить: ни раскисший аэродром, ни свинцовые тучи, тяжело нависшие над лесом, ни моросящий нудный осенний дождь. Только боевые полёты могли удовлетворить наши души.

Последняя декада октября.

По всем признакам погода идёт на улучшение. Хотя на аэродроме всё ещё сыро и грязно, но дождя нет, и сквозь облака временами пробиваются лучи осеннего солнца.

Команды можно ждать с часу на час. Техники не слезают с кораблей. Готовы все приспособления для подвески бомб. Готовы машины, готовы люди.

10

Немцы вбивают клинья в нашу оборону и глубокими обходными маневрами пытаются взять Москву в гигантские клещи. Орёл пал. Нам приказано ударить по правой клешне краба, стремящегося произвести обхват Москвы с юга, и воспрепятствовать продвижению скопившихся у Орла танковых соединений противника, готовых к броску на северо-восток.

Долгому, томительному ожиданию пришёл конец.

Нас вызывают на командный пункт. Зачитан приказ, проложен маршрут, намечены пункты и объекты бомбометания. Лица у всех серьёзные и даже какие-то торжественные. Ни шуток, ни улыбок, ни весёлых реплик.

- Невозможно дать советы на все случаи, с которыми вы можете встретиться в пути и над целью, - сказал нам на прощанье полковник Лебедев. - Помните лишь одно: бросая бомбы на танки в Орле, вы защищаете Москву, спасаете Россию.

Впервые наши жёны были свидетельницами боевого вылета мужей. В глазах их была полная растерянность. Они чувствовали, что мы уже не принадлежим им, что сейчас нет ни мужей, ни жён, что все воины, что они тоже воюют вместе с нами.

Сотни раз до войны они провожали нас в полёты, в экспедиции, сотни раз при проводах они находили нужные слова. А здесь... Ничего из привычных слов не скажешь. Разве можно сказать: "береги себя", "почаще пиши", "береги здоровье" и т. д.

И стояли они в толпе провожающих с сухими глазами, с застывшей улыбкой и смотрели на нас, уже живших только полётом, бомбами, пожарами, взрывами и слившихся в одно с

большой сложной машиной, которую мы должны сейчас поднять в воздух и повести в бой на защиту всех советских людей...

Командир полка направился на старт провожать самолёты в полёт.

Машина остановилась возле группы провожающих.

- Подумаешь, не видели самолёта, - раздался раздражённый голос полковника Лебедева. - Пора привыкнуть к войне. А жён чтобы я и близко не видел возле машин! Мало заботы вашим мужьям, так ещё и вы здесь. Марш в штаб! Из окон смотрите.

И, сердито захлопнув дверцу машины, поехал на старт.

Выстрел - взвивается ракета. Разом запущены моторы. Лес зашевелился, листья зашуршали, воздух наполнился равномерным рокотом работающих на малом газу моторов.

Зелёная ракета - рокот усиливается. Над лесом будто буря поднялась. Летят мокрые жёлтые листья. Тяжело переваливаясь, медленно плывут корабли к автомашине, откуда по взмаху флажка полковника один за другим, отрываясь от поля, уходят в сторону заходящего солнца.

Наша машина стоит рядом с командиром полка. Очередной перед нами самолёт взлетает неудачно, сильно прыгает и сбивается с прямого направления.. У полковника Лебедева рука с поднятым красным флажком застывает. Кажется, конца взлёту не будет. Машина прыгает всё сильнее. Лебедев не выдерживает и, отворачивая от неё глаза, смотрит на наш самолёт. Наконец, машина всё же отрывается.

Наша очередь. Водопьянов поднимает Левую руку, прося разрешения начать взлёт. Быстро взглянув на злополучный самолёт и с облегчением вздохнув, Лебедев машет белым флажком - взлёт разрешён.

И когда уже машина сдвинулась с места, Лебедев, грозясь кулаком, напоминает нашим лётчикам, что взлетать надо по прямой, указанной его флажком.

- Ну, Мосалев, держи газы, да помогай выдерживать направление. Сейчас начнём прыгать, - раздался спокойный голос Водопьянова.

- Ничего, Михаил Васильевич, оторвёмся, как боги, - ответил тонким голосом Мосалев.

Вопреки ожиданиям, наш самолёт оторвался сносно - я ни разу не стукнулся ни головой, ни другими частями тела о многочисленные твёрдые предметы, заполнившие мою кабину.

Оторвавшись так легко, мы сразу же пожалели, что не взяли полной бомбовой нагрузки, и здесь же решили, что в следующий вылет можно будет нагрузку увеличить.

Растянувшись цепочкой, по одному, шли тяжёлые корабли

помогать рубить правую клешню немцев, занесённую над Москвой.

Самолёты шли на юго-запад. Они как бы старались догнать уходившее солнце, при свете которого так просто и легко выдерживать заданный маршрут. Но не суждено современным самолётам нагонять солнце. Опускаясь всё ниже, солнце скрылось за горизонтом. Густые сумерки окутали землю чёрным покрывалом.

В середине маршрута под самолётом появились плотные ровные облака, скрывшие от нас землю. По расчётам и измерениям, сделанным еще при видимости земли, корабль уверенно идёт к цели. Только бы облаков над целью не было! Хорошо будет, если сегодня прогноз наших синоптиков оправдается. Они обещали в районе цели безоблачную погоду.

Над нами тёмное небо, усеянное крупными мерцающими звёздами. На большой высоте они как-то непривычно, по-новому выглядят.

Под нами чёрная земля с кострами, пожарами, разноцветными ракетами.

Над Тулой и Мценском - зенитная канонада и густой лес прожекторов.

В Орле бушуют пожары. Полдесятка прожекторов шарит по небу. Вялая зенитная стрельба.

- Ну как, Саша, откуда будем заходить? - спрашивает Водопьянов.

- Спускайся пониже, да заходи с юга.

Выключив свет, приникаю к прицелу и, напрягая зрение до боли, смотрю вниз. В реке отражаются огни береговых пожаров и вырисовываются контуры города. Лучи прожекторов перекрещиваются где-то близко от нас. Красные разрывы зенитных снарядов заносят в кабину запах пороха.

Короткие команды лётчику довернуть самолёт. Открыты бомболюки. Палец на кнопке бомбосбрасывателя. Лёгкое нажатие - и три тонны бомб полетят вниз... Но куда? Я не ясно вижу точку прицеливания. Мне жарко... Термометр показывает минус двадцать пять. В самолёте напряжённая тишина...

Вертикально под нами проходит район цели, и я только теперь вижу точку, на которую должен сбросить бомбы.

Снимаю палец с боевой кнопки.

- Не вышло на этот раз. Плохо цель видна. Надо снизиться ещё на пару тысяч метров, - говорю я, обращаясь к Водопьянову.

- Сбить могут нас на такой высоте, - раздаётся нервный голос борттехника.

- Ничего, не собьют, штурман прав, нечего зря бомбы

бросать, - говорит Водопьянов. - Разворачивай, Мосалев, вправо со снижением.

- Есть, вправо снижаться, - ответил Мосалев и, заложив глубокий вираж, повёл машину на снижение.

Удивительно, как у такого маленького человека громадная машина становилась лёгкой и послушной.

Сделаны перерасчёты угла прицеливания на новую высоту. Заходим с юга. Река выделяется ярче. Контуры города вырисовываются резче.

- Ну как, Саша, теперь лучше видно? - спрашивает Водопьянов.

- Теперь в самый раз. Сейчас сбросим. Прожектор лазит возле нас, вот-вот вцепится в самолёт и спутает все наши замыслы.

- Вот, чорт, шляется здесь рядом, - бурчит про себя Водопьянов.

Поймав в прицел нужную точку на земле, с силой нажимаю боевую кнопку и с облегчением наблюдаю, как из живота самолёта отделяются чёрные бомбы и скрываются в темноте.

Прожектор вцепился в самолёт и цепко его держит. Но меня это мало беспокоит. Главное сделано - бомбы сброшены туда, куда нужно.

- Готово, Михаил Васильевич, сбросил, - говорю я. - Теперь отцепляйтесь от прожектора, да пойдём домой.

- Мосалев, давай покруче заворачивай вправо, а я посмотрю, куда бомбы упали, - сказал Водопьянов.

- Хорошо бомбы упали, товарищ командир, - закричали в один голос наши стрелки. - Вот смотрите, горит слева. Это наш пожар.

Мосалеву очень быстро удалось оторваться от прожектора. Облака надёжно скрыли нас от враждебных глаз.

Я спокойно занялся делами, обычными для штурмана после бомбометания: закрыл люки, записал время бомбометания и отхода от цели, привёл в нейтральное положение все рычаги и приборы бомбосбрасывателя и навёл порядок в кабине.

На курс самолёта, которым мы уходили от цели, я и внимания не обратил опыта тогда было у меня ещё мало.

Мосалев же при уходе от прожектора увлёкся виражами и за курсом тоже не следил. И неожиданно для всех вокруг самолёта стали рваться зенитные снаряды, да так густо, что на секунду возникла мысль: "Вот тут-то в нас, наверное, уж попадут".

Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы понять, что мы здорово отклонились влево и попали под жестокий обстрел ПВО в запретной для нас зоне.

- Вправо девяносто, - резко подал я команду лётчикам, -

Мосалев, чего так далеко влево взял, почему курса не выдерживаешь?

- Да кто его знает, вроде прямо держал, - оправдывается Мосалев.

- А кто это так стреляет? - спросил Водопьянов.

- Наши стреляют, - ответил я.

- А здорово стреляют, если бы не облака, то, пожалуй, нам бы досталось, - сказал Водопьянов.

Мосалев, исправляя ошибку, загнул крутой вираж - уходил от зениток на линию своего маршрута.

Чувствуя за собой вину, я внутренне поклялся быть в дальнейшем осторожнее и ни при каких обстоятельствах не забывать своих обязанностей. Хорошо ещё, что под нами были сплошные облака.

Исправили курс. Вышли на линию заданного пути и вскоре были далеко и от пожаров и от зенитного огня.

Где-то в середине маршрута оборвались облака. Темнота жуткая. Идём со снижением. Лётчики проявляют явное беспокойство. Они ничего не видят ни впереди себя, ни под собой.

Высота тысяча метров. От близости земли темнота кажется ещё гуще. Ни одного огонька, ни одного светового пятнышка, никаких контуров, хотя бы самых неясных. И сколько экипаж ни напрягал зрение - ничего не видно.

В темноте циферблаты многочисленных приборов ярко светятся фосфорическим светом. Дрожат стрелки приборов. Зажигаю в кабине свет и занимаюсь прокладкой и поправкой пути на карте по показаниям приборов. По расчётному месту выходит, что можно уже использовать маломощную радиостанцию своего аэродрома. Включаю радиополукомпас и по маленькой стрелке индикатора исправляю курс.

- Прилетим благополучно домой, буду просить, чтобы разрешили летать I днём, - говорит Водопьянов. - Саша, ты там видишь что-нибудь?

- Вижу, Михаил Васильевич. Мы идём прямо на аэродром и скоро будем дома.

- Где ты видишь?

- Да вот по всем своим приборам вижу.

- Ну это всё не то. Прибор прибором, а глаза всё же лучше. Вот испортись у тебя прибор, что будешь делать, куда лететь, где садиться? Нет, завтра же полетим днём бомбить. Летали же мы с тобой в сороковом году бомбить белофиннов среди бела дня, и всё обошлось благополучно. Борттехники, чтобы завтра же с утра корабль был готов для дневного полёта.

- Впереди вижу прожектор, - крикнул Мосалев.

- Это на нашем аэродроме, - сказал носовой стрелок Федорищенко.

- Ну, теперь, пожалуй, и дома скоро будем, - сказал Водопьянов.

Спало напряжение. Послышались оживлённые переговоры.

Работа моя приходила к концу, я стал понемногу укладывать своё имущество и готовиться к отчёту о проделанной всем экипажем работе.

Над аэродромом видны красные и зелёные лампочки. Это наши товарищи, пришедшие раньше нас, ходят с правым кругом в ожидании очереди посадки.

- Михаил Васильевич, - обратился я к Водопьянову, - а может быть попросите у командира разрешения летать и днём и ночью?

- Да, пожалуй, можно будет и так сделать, - согласился Водопьянов.

В свете прожектора наш самолёт легко касается аэродрома и катится по полю, слегка подпрыгивая на неровностях.

Рулим к своей стоянке и выключаем моторы.

Пятичасовой боевой полёт после большого перерыва был завершён благополучно. Как говорят рыбаки: "Лёд тронулся, и теперь у нас дело пойдёт на лад".

Все наши корабли вернулись домой. На командном пункте полковник Лебедев, не скрывая довольной улыбки, принимал доклады от командиров кораблей и штурманов. Здесь же после доклада Водопьянов попросил у полковника Лебедева разрешения на дневной боевой полёт.

- А тебе чего так захотелось дневного полёта, жизнь надоела, что ли? спросил Лебедев.

- Насчёт жизни, Викторин Иванович, трудно сказать, где мы больше ею рискуем: в дневном полёте на большой высоте или же вот в сегодняшнем полёте, когда жизнь всего экипажа висела на кончике стрелки индикатора радиополукомпаса, - возразил Водопьянов.

- Да, это верно, только по радио и вышли на свой аэродром, - раздались голоса лётчиков.

- Наша часть создана для ночной работы. Днём у немца ещё большие преимущества, и мы не можем рисковать такими дорогими кораблями, - возразил Лебедев.

- Ничего, Викторин Иванович, попытка - не пытка, от истребителей отобьёмся своими пушками. Чего их зря возить? А зенитка на большой высоте не попадёт. А жить я ещё хочу долго и для этого и прошу вашего ходатайства в получении разрешения работать нам столько, сколько мы сможем и сколько корабль выдержит. Не выйдет ничего из дневного полёта - будем летать только ночью, а выйдет - то будем работать и днём и ночью, - уговаривал Водопьянов полковника Лебедева.

- Ну, ладно, идите отдыхать, завтра что-нибудь, может, и сделаем. Во всяком случае можно будет попробовать пустить пару кораблей днём.

Предложение Водопьянова вызвало среди лётчиков оживлённые споры.

Большинство склонялось к тому, чтобы на наших кораблях летать и днём и ночью. Более осторожные высказывались только за ночные полёты, по два в ночь на ближние цели.

- Ну вот, Муся, и всё в порядке, - услышал я разговор одного лётчика с женой. - Ничего с нами не случилось, а ты боялась.

- Боялась, когда взлетали, а как увидела, что улетели, и

бояться перестала.

- Разве ты видела наш взлёт? Вас же всех полковник Лебедев прогнал с аэродрома?

- А мы собрались в комнате Иващенко и из окна всё видели. Скажи, Сергей, почему так прыгал самолёт, когда бежал по полю? Я всё боялась, чтобы бомбы не оторвались от самолёта и чтобы вы не взорвались.

- За бомбы не бойся - не оторвутся, они у нас крепко привязаны.

- А чем же вы их привязываете?

- Проволокой, а то и верёвочками всякими, - пошутил лётчик. - Ну, старушка, спать, спать. Завтра много работы.

С запозданием на наш аэродром пришло "бабье лето". Гонимые лёгким ветром, низко над землёй плывут серебряные нити паутины. На безоблачном небе - яркое солнце. Сухие листья падают с деревьев и жёлтым ковром покрывают землю.

Мы торжествуем.

Два корабля, в том числе и наш, выделены для опытного полёта на дневное бомбометание. На обоих кораблях командиры и часть экипажа - старые полярные работники. Случайно ли это? Нет, не случайно. Арктика воспитала нас, закалила. С чем с другим, как не с полётом в ранее недоступные полярные области, в области вечных льдов, в царство безжалостных стихий, не прощающих людям ошибок, можно сравнить предстоящий полёт?

11

Готовимся к полёту. Берём большое количество бомб. Техники и стрелки соседних кораблей помогают нам. Мы в центре внимания всей части. Каждый старается помочь чем может, дать совет.

Экипаж Пусэпа также готовится к полёту. Но он летит во вторую очередь, в том случае, если с нами всё будет благополучно.

Дневной полёт! До чего же привычная картина! Яркое солнце; прозрачный, чистый воздух; хорошая дальняя видимость... Как будто ничего не случилось, и никакой войны! Гудят привычно моторы, не нарушая ритма работы и не мешая течению мыслей. Кажется, что большей тишины во всём мире нет.

Мысли самые сокровенные, планы самые широкие возникают у летчиков в полёте.

Но как отличается этот полёт от полётов мирного времени!

Истребители! С зенитным огнём мы уже познакомились. От прожекторов, как мы убедились, большого зла не бывает, да и уходить от них мы уже умели. Аэростатов заграждения хотя ещё не встречали, но знали, что это за штука. А вот истребители! Это

для нас ново. Сколько их будет? Каких типов? Какова их тактика? Отобьются ли наши стрелки? Хватит ли у нас боекомплектов, патронов и снарядов? Вот то новое, что нас встретит! К нему-то, естественно, мы хотели бы быть готовы.

Уже с того момента, как самолёт оторвался от аэродрома, у нас появилась твёрдая уверенность, что до цели мы дойдём и что никакая сила не заставит нас вернуться обратно, не выполнив задания, с таким трудом нами же выпрошенного.

Хотелось только, чтобы "их", т. е. истребителей, было не так уж много, ну примерно столько, чтобы нам хватило снарядов отбиться.

До сих пор основную роль в наших полётах играли лётчики и штурманы. В этом же полёте многое будет зависеть от наших стрелков.

- Ну, стрелки, кажись, сегодня вам будет работа. Внимательно смотрите за воздухом, снаряды экономьте и зря не стреляйте! Чорт знает, сколько их может налететь, а нас-то маловато, мы одни, и надеяться нам не на кого, сказал, как всегда спокойно, Водопьянов.

- Ничего, не беспокойтесь, товарищ командир, будет всё в порядке, ответили разом стрелки.

А центральный башенный пушкарь, наш красавец старшина Секунов, добавил:

- Снарядов на всех хватит, пускай только налетят, всех угостим!

Появилась узкая блестящая лента Оки. Наш курс идёт параллельно реке, и там, где Ока делает крутой поворот, уходя на юг, там в углу - цель нашего полёта, оттуда немцы собираются сделать бросок на Москву. Чтобы помешать их злому замыслу, мы во что бы то ни стало должны сбросить свои большие бомбы в указанные приказом места.

Где-то под нами должна проходить линия фронта. В действительности же никакой "линии" нет. Только в прошлых войнах окопы, тянувшиеся на десятки километров, являли собой подобие геометрической линии. "Линия" фронта - это дым, пожары, огни, стрельба. По этим признакам с высоты определяется, что внизу идёт война.

В ночном полёте линия фронта огнями ракет и перестрелок вырисовывается яснее. При проходе над ней экипаж как-то настораживается.

Здесь же днём для большинства экипажа момент пролёта линии фронта прошёл даже незаметно, и только радист Богданов, отстукивая очередную радиограмму, сообщил: "Прошли линию фронта - всё в порядке".

На основании этой радиограммы полковник Лебедев выпустил самолёт лётчика Пусэпа.

Получив сообщение, что еще один корабль поднялся в воздух и идет на эту же цель, мы еще больше приободрились. Пусть он еще далеко от нас, пусть мы его не увидим, но всё же мы уже не были одни. И мы почувствовали себя так, точно нас не два самолета, а очень много, целая армия, и если даже в воздухе мы друг другу ничем не поможем, зато на земле неприятностей немцам наделаем достаточно.

Высота 7000 метров. Тяжело нагружённый корабль лениво, с трудом набирает метр за метром. Хоть высота у нас солидная, но небо-то безоблачное и воздух прозрачен... Мы видим отчётливо землю, и нас земля видит. И кажется нам, что мы всё ещё очень низко летим, и хочется "на всякий случай", про запас забраться чуть повыше на сотню-другую метров.

В углу, образованном рекой, отчётливо виден город. Пока всё спокойно и на земле, и возле нас, и внутри нас.

С северо-востока и северо-запада к городу подходят узкие нити железных дорог. Возле Северного вокзала обе дороги сходятся вместе. Вокзал - цель номер один. Цель номер два - сосредоточенные на одной из площадей города танковые колонны, эту цель нам ещё предстоит обнаружить.

Ну, что ж, начнём по порядку, с цели номер один...

Пока что в воздухе не видно тех истребителей, которые, по уверениям некоторых наших товарищей, обязательно должны нас сбить. Не видно и вспышек от стрельбы зенитной артиллерии, каждый снаряд которой, по заявлениям тех же "специалистов", должен обязательно попасть в наш самолёт.

Возле нас всё спокойно. Но какое-то ненормальное это спокойствие... Должно же ведь начаться если не то, так другое, а то и всё сразу. Уж началось бы скорее, что ли! Яснее будет и проще. Что же фрицы там внизу думают?

Поражённые или возмущённые нахальством экипажа, прилетевшего днём, в ясную погоду, без прикрытия на сильно защищённый пункт, немцы решили проучить нас основательно. Не открывая огня из боязни, что мы уйдём от них раньше времени, впустив нас в самый центр своей противовоздушной обороны, они решили зажать нас в тиски и свалить с первых же залпов.

На большой высоте скорость не чувствуется. Кажется, что висим на месте. Медленно наползает под нами город.

- Лётчики, доверните немного вправо.

- Саша, какую цель будем бомбить первую? - спрашивает Водопьянов.

- На вокзал идём, а оттуда развернётесь влево и пройдёте на юг через город. Да держите же машину поровнее!

- Да ты, Саша, не торопись, целься как следует, мы можем ещё раз зайти.

Через стёклышки прицела вижу медленно подплывающую цель. Правая рука устанавливает на приборе половину серии всех наших бомб. Переношу руку на рукоятку. Дёргаю. С шумом открываются бомболюки. По самолёту загудел сквозной ветер.

В однообразный привычный шум моторов врезался посторонний короткий и сильный звук, похожий на треск дерева. Запахло порохом и дымом. Вокруг самолёта образовалось густое чёрное облако от дыма зенитных разрывов. Над головой что-то треснуло, засвистело и рядом шлёпнулось. В телефонах слышно, как кто-то застонал. Кто-то крикнул: "Пожар, горим".

Перевожу ручку прибора на всю серию бомб и быстро большим пальцем накрываю боевую кнопку. Вижу, как цель, качаясь, плывёт в сторону, слева. Кто-то крикнул: "Надо от бомб освободиться!"

Скашиваю правый глаз на борттехников. Бледные, растерянные лица. Богданов протягивает мне прицепной парашют. Возле борттехников и пилотов нет ни дыма, ни пожара. Так и не нажавши, снимаю палец с боевой кнопки. Высота 7300 метров. Температура минус 35. Вытираю вспотевшее лицо и, отстранив Богданова, показываю рукой, чтобы он занял своё место. Осматриваюсь кругом. Самолёт, беспорядочно виляя из стороны в сторону, мотается в густом дымовом облаке. Неровный шум моторов, встряска самолёта, звук близких разрывов, дождь осколков по плоскостям...

Чтобы облегчить маневренность машины и чтобы осколки не попали в ещё не сброшенные бомбы, нажимаю кнопку электромотора и закрываю люки.

- Товарищ штурман, у нас бомбы ещё не сброшены, - нервным голосом кто-то из стрелков предупреждает меня.

- Ладно, знаю. Лётчики, как вы там, живы ещё? Вы бы какую-нибудь систему выработали, а то всё виляете на одном месте.

- Какая тут система! Мосалев, доворачивай туда, где дым погуще, авось за дымом нас не увидят... Как там, Саша, бомбы все сбросили или еще осталось?

- Да нет, Михаил Васильевич, не успел сбросить ни одной. Некуда было бросать. До цели ещё немного не дошли, а потом всё дымом заволокло.

- Ну что же теперь делать будем?

- Пока что маневрируйте от зениток, что-нибудь сообразим.

- Товарищ штурман, - вмешивается в разговор бодрый голос

Федорищенко, я хорошо видел, откуда стреляют, с восточной стороны города. На западе не видно ни одной зенитки.

- Ну, вот и хорошо, это дельное замечание. Лётчики, держите курс на запад, оттуда попытайтесь зайти на свою цель. Богданов, передайте радиограмму на аэродром и на самолёт Пусэпа, что с восточной стороны города сильные зенитные средства.

- Радиостанция не работает, крупным осколком разворочен передатчик, отвечает Богданов, - вот никак осколок не найду.

Зенитный огонь ослабел. Опять засияло солнце, до этого скрывшееся в клубах дыма. Лётчики держат курс на запад, где, по заявлению всевидящего Федорищенко, у немцев зениток нет...

- Щербаков, - обратился Водопьянов к борттехнику, - как у нас дела с самолётом и моторами?

- У четвёртого мотора давление масла падает. Скоро придётся выключать. В плоскостях и фюзеляже много дырок - небо видно. Рулевое управление в одном месте наполовину подрублено. Думаю, что ничего опасного нет. Да где-то бензином сильно пахнет, никак не пойму где, вот помощника послал искать. А так остальное всё в порядке.

- В порядке, говоришь, а кто кричал: "Пожар, горим..."?

- Никто не говорил, это я только подумал, когда увидел дым возле самолёта.

- Ну, так в следующий раз потише думай.

Стоя во весь рост в своей кабине, я смотрел на землю и город, оставшийся слева. Я видел ясно свою цель и решал, как на неё удобнее зайти, чтобы не попасть ещё раз в такой переплёт.

- Лётчики, девяносто градусов влево.

Ложусь на живот и, прильнув глазами к прицелу, навожу самолёт на цель. Открываю люки.

- Немного влево. Так держать. Хорошо. Цель ближе.... ближе.... вот ещё несколько минут, может быть одна или две. Но... машина вздрогнула и... снова началось.

Федорищенко кричит:

- Стреляют только слева. Справа спокойно. Стреляют хуже, чем в первый раз. Ничего. Можно проскочить.

Лётчики инстинктивно отворачивают вправо, а я кричу и должно быть очень громко:

- Взять влево. Держать прямо.

- Саша, ты там поскорей управляйся, а то они уже пристрелялись и чего доброго попадут, - говорит Водопьянов.

Стрелки докладывают, что сильно стреляют, что кругом рвутся снаряды и что мы взяты в кольцо.

В нос бьёт едкий, удушливый запах порохового дыма. Только бы цель видеть, не потерять её за этим проклятым дымом.

- Чуть влево. Так держать.

В телефонах тишина. Хорошо слышны ближние разрывы снарядов. Под углом прицеливания появился большой склад горючего: цистерны, штабеля бочек, сарай, и возле него оживлённое движение и толкучка автотранспорта. Опасаясь, что вот-вот очередной снаряд помешает мне довести самолёт до основных целей, быстро перевожу ручку на четыре бомбы и нажимаю боевую кнопку. Эти теперь сами дойдут куда надо. Не свожу глаз с главной цели - вокзала, до которого осталось несколько секунд полёта.

- Два градуса влево. Так держать. Сейчас всё кончим.

По прямой линии плоского стекла прицела к маленькому кружочку в центре подходит большой вокзал с рельсами, складами, депо, паровозами, составами и перроном. На перроне толпа немцев. Мне кажется, что они, задрав головы кверху и приложив руки к козырькам, смотрят, как их зенитки ловко взяли в кольцо большой многомоторный русский самолёт, который неминуемо должен сейчас, сию секунду развалиться на куски и беспорядочно свалиться на землю; потом раскроются белые купола парашютов, и будут они охотиться за этими белыми куполами, расстреливать вначале в воздухе, а потом на земле большевиков, упорно не пускающих их в Москву.

Секунда... Две... Три... Перрон с группой людей - в самом центре кружочка на стёклышке прицела. Сильно нажимаю кнопку. Прибор щёлкает, отсчитывает десятые доли секунды. Тухнут маленькие сигнальные лампочки на щитке. С каждой потухшей лампочкой, с каждым щелчком на приборе от брюха самолёта отделяются бомбы. Переворачиваясь носом вниз, летят они на землю и, теряясь из виду, у самой земли взрывом показывают место падения и правильность наводки штурмана. Но штурману сейчас не до этих сброшенных бомб. У него остались ещё бомбы, и на земле осталась ещё цель номер два.

- Лётчики, готово! Сбросил половину. Уходите с манёвром на юг через город, - не отрываясь от прицела, говорю я.

- Товарищ штурман, - кричит Федорищенко, - вон впереди, немного слева, на площади, что у реки, возле моста, что-то чернеет. По-моему, это и есть они самые.

- Товарищ командир, - слышен спокойный голос башенного пушкаря, - с аэродрома поднимаются истребители.

- Сколько их там?

- Пока поднялись только два звена, но они еще далеко. Только что поднялись.

- Саша, ты там поторапливайся! - говорит Водопьянов и добавляет: - Если нас собьют, то только ты в этом будешь

виноват, и я, пожалуй, откажусь больше с тобой летать.

- Хорошо, через несколько секунд всё будет кончено.

Чёрной лентой через Оку вливается в город автоколонна и своей чернотой заполняет всю площадь.

Зенитная стрельба слабеет и становится всё более неточной. Под нами цепочкой рвутся снаряды автоматических батарей; как чёрные мухи, скопились на площади танки и автомашины. Разрывы чёрными шапками ложатся в стороне от нас. Стреляют откуда-то с восточной стороны. Эта стрельба нас уже не беспокоит. Привыкнув к худшему, мы на неё на обращаем внимания.

- Эй, штурман! - подаёт голос молчавший весь полёт Мосалев, - я тоже с тобой не буду больше летать, если нас собьют.

- Ладно, Петро, помалкивай да держи машину поровнее.

- Проведу как по ниточке, только командуй.

Площадь с чёрными ровными рядами подошла к перекрестию прицела. Нажимаю кнопку. Пошли последние, самые тяжёлые бомбы...

Кто-то из стрелков докладывает:

- Товарищ штурман, все бомбы сброшены, не осталось ни одной, можно закрывать бомболюки.

Это голос подшассийного стрелка Ярцева, которого больше всех задувает из раскрытых бомболюков.

- Лётчики, всё готово, можно маневрировать и домой уходить, - говорю я, закрывая люки.

- Маневрировать пока что не от кого, а чтобы домой дойти, давай курс, отвечает Водопьянов.

- Держите пока что прямо на юг. Когда перейдёте через реку, возьмите на восток. За рекой нас никто не побеспокоит.

А теперь можно и посмотреть, что же мы наделали...

На бензоскладе чёрным дымом клубится пожар и стелется на восток. Площадь тоже окутана дымом.

- Алло, стрелки, как бомбы упали на вокзал - не видели?

- Хорошо упали, товарищ штурман. Серия прорезала пути у самого вокзала.

- Отбомбились по всем правилам, - вставил слово другой стрелок.

- Стрелки, что там с истребителями делается, далеко они ещё и скоро ли начнут охоту за нами? - спросил Водопьянов.

- Набирают высоту и уходят на восток, за реку, параллельно нашему курсу примерно на высоте четыре тысячи метров, - отвечает один из стрелков.

- На восток уходят? Ну, пускай себе идут, там есть кому их встретить, сказал Водопьянов.

Мы идём домой. Четвёртый мотор выключен, но на облегчённой машине мало заметна разница, разве только на указателе скорости на десять километров меньше.

Над линией фронта ниже нас на встречных курсах быстро прошмыгнула пятёрка наших бомбардировщиков, идущих в ту сторону, откуда мы возвращались.

Богданов сосредоточенно что-то ищет внизу, возле своего места. На лице его появляется довольная улыбка. Вытаскивая что-то из меховой собачьей рукавицы, он показывает мне большой чёрный осколок крупнокалиберного снаряда. Забыв, что включён шлемофон, он громко кричит:

- Вот он, нашёл!

- Где, что нашли? - спрашивает Водопьянов.

- Осколок нашёл, который мне радиостанцию пробил. В рукавицу запрятался, ещё теплый.

В моей кабине большая рваная дырка. Вторая такая же - во внутренней переборке, за которой висит угробленный этим самым осколком передатчик радиостанции. Я завидую Богданову, что ему достался этот большой с немецким клеймом осколок, - он так близко был над моей головой.

Показываю на дырки и говорю ему:

- Слушай, Вася, а ведь по праву это мой осколок, он от меня ближе прошёл, чем от тебя, отдай мне его на память.

- Нет, Александр Павлович, не выйдет. Осколок пробил мне радиостанцию и порвал мне рукавицу, так что по всем законам он мой, судиться буду, но осколка не отдам, я его больше чем полчаса искал.

- Хорошо искать тебе по полчаса, имея свободное время. Выходит, мне ни один осколок так никогда не достанется?

- Ладно уж вам спорить! В плоскостях осколков хватит на всех. А кому не достанется - ведь не в последний раз по нас стреляют - успеете получить, примирил нас Водопьянов.

Под нами свои. Солнце склоняется к западу. Идём со снижением. Сняты кислородные маски. Тепло. Приятно. Скорей бы домой, а то из-за отсутствия радиосвязи беспокоятся о нас. Приёмник остался цел. Аэродромная радиостанция почти всё время нас вызывает.

Тревожимся за судьбу Пусэпа. Мы ему ничем не можем помочь. Было бы радио в порядке, можно было бы посоветовать заходить на цель с юга, с наиболее безопасного места.

Пересекаем Оку. Слева, далеко на горизонте, проплыл Владимир. Пересекли железную дорогу, а за ней контрольное озеро, от которого уже близок аэродром.

- Щербаков, - обращается Водопьянов к борттехнику, -

сколько тебе примерно дней потребуется, чтобы залатать все дырки и привести корабль в порядок?

- Дней пять-шесть, если более серьёзных повреждений не обнаружится.

- Два дня на всё тебе за глаза хватит. Чтобы через два дня машина была в порядке, - сказал Водопьянов, зная склонность своего борттехника к затяжным ремонтам.

- Мосалев, будешь заходить на посадку, не делай крутых разворотов, помни, у нас рулевые тяги повреждены, - напоминает Водопьянов своему помощнику, любителю виражей, от которых голова кружится.

- Есть, заходить на посадку блинчиком, - охотно соглашается Мосалев, довольный тем, что ему доверяют посадить подбитую машину.

Весь полёт длился всего три часа с минутами, а сколько пережито!

Низко над лесом идём на посадку. Я вижу, как летят вверх шапки, машут белыми платками.

Рулим на трёх моторах. Винт четвёртого мотора стал палкой. К стоянке со всех сторон сбегается народ - летчики, техники, штабные работники, тыловики и даже женщины.

Не спеша, быть может, медленнее, чем обычно, на глазах сотни людей членов нашей большой и дружной семьи - лётчики заруливают на стоянку и выключают моторы.

Наши товарищи тесным кольцом окружают самолёт.

Открыты люки, спущены трапы.

С волнением, ещё не улегшимся после всего пережитого, но внешне спокойные и важные, медленно спускаемся мы по трапу. Град вопросов, поздравлений, тёплые рукопожатия. На наших лицах улыбки, как бы говорящие: "Вот видите, как всё это просто делается".

Скептики - противники дневного полёта, - рассматривая самолёт, сразу же приступили к подсчёту пробоин. Послышались восклицания: "Большая! Сверху ударило! Прямое попадание! Одна, две, три... семь... десять... двадцать три..."

На командном пункте полковник Лебедев, пожав нам руки и поздравив с благополучным прилётом, приступил к допросу.

- Ну как, Михаил Васильевич, жарковато было?

- Да, немного досталось.

- Какие результаты?

- Все бомбы положены точно в цель, возникли пожары.

- Да нет, я не о том спрашиваю, какие трофеи привезли с собой?

- Десятка три пробоин. Один мотор, радиостанция и рулевая

тяга. Через пару дней корабль войдёт в строй. А как дела у Пусэпа? - в свою очередь спросил Водопьянов.

- Примерно такие же. Отбомбился под жестоким обстрелом, имеет попадания, а сейчас тянет благополучно домой на трёх моторах. Что у вас случилось с радиостанцией, почему связь оборвалась?

- Осколком килограмма в два разворотило передатчик.

- Наделали вы дел с вашим осколком. Мы здесь вас уж было похоронили. Узнав, что связи нет, главный штаб приказал прекратить дневные полёты: хватит, мол, с вас и ночной работы. А как с истребителями, не встретились?

- Шестёрка поднялась с аэродрома. Не успели ли они набрать высоту или же отвлеклись кем-нибудь другим, но с нами так и не встретились.

- Не любят они большой высоты. По низам больше привыкли шнырять, стервятники. На наших высотах пока что истребители не страшны.

- Поэтому и жаль, что запретили дневные полёты. На наших кораблях днём можно большие дела делать.

- Удивляюсь я тебе, Михаил Васильевич. Полный самолёт осколков привёз, почитай на решете прилетел, и ещё говоришь, что жаль.

- Да ведь все эти неприятности - осколки, дырки, мотор и прочее - от нас самих зависят. Виною наша неосведомлённость, горячность и неопытность. Знай мы заранее расположение ПВО, могли бы так обойти и сделать такой заход, что без единой царапины отбомбились бы и невредимыми домой вернулись. У меня сейчас все стрелки знают, как и откуда надо на эту цель заходить. И если бы нас ещё раз послали, то можно гарантию дать, что корабль домой вернулся бы без повреждений.

- Ну вот, дождёмся Пусэпа, посмотрим на его корабль, и сделаем выводы, - ответил Лебедев и отправился на аэродром встретить самолёт Пусэпа, в это время заходившего на посадку.

Получив подробное донесение, главный штаб решил всё же временно от дневных полётов отказаться.

Решением командования больше всех остались довольны наши жёны.

Улыбаясь, сказала жена Пусэпа Фрося:

- Ну що, хлопцы, получили чего просили?

- Тоже нашлись герои, - добавила моя жена. - Еще успеете шею себе свернуть. А то захотели быть умнее всех. Днём полетим, - язвила жена, - ну вот полетели, а теперь сидите неделю, залечивайте раны.

- Тю, дурни, - сказал Пусэп, - да вам разве не всё равно, когда

мы летаем? По-моему, даже лучше, если бы днём работали, а ночью вместе были.

- Так, хлопцы, не будет дела. Лучше мы как-нибудь потерпим до конца войны, та будем спать одни, лишь бы вы живы остались, - сказала Фрося.

- Наработаешь днём много, как же! Когда вас дома нет, только то и знаешь, что в окно заглядываешь... а не летят ли наши? Ночью поспишь часок-другой и забудешь про вас, как вы там летаете, - сказала моя жена.

- Придётся эвакуировать вас в глубокий тыл, чтобы не переживали за нас, - сказал я.

- Э, не будет дела, - в один голос сказали обе, - пешком придём обратно, а от вас не отстанем.

- Ну, ладно. Больше днём летать не будем и вообще вашего совета будем спрашивать, - пошутил Пусэп.

- То-то, всегда нас слушайтесь, и всем будет добре жить.

Придя к обоюдному согласию, обе стороны разошлись в разные стороны.

Погода испортилась, и никто не летает. Наши экипажи залечивают раны, полученные самолётами в дневном бою. Работа идёт дружно. Мы не хотим отстать от своих товарищей по числу боевых вылетов.

12

Последние числа октября.

На нашем аэродроме оживление. Часть кораблей сегодня улетает на один из подмосковных аэродромов, а оттуда на Берлин. Среди них наши близкие приятели. Мы, остающиеся на самолетах с малым радиусом действия, остро завидуем нашим друзьям.

Нам приказано снова бомбить военные объекты немцев в Орле.

Борттехник Щербаков перед полётом обратился ко мне:

- Послушай, Александр Павлович, нехорошо как-то получается. На всех самолётах экипаж как экипаж - по одиннадцать человек, а у нас лишний стрелок, да еще говорят, с нами какой-то корреспондент полетит.

- Ну, и пусть себе летит. Места хватит, не помешает ни тебе, ни мне.

- Помешать-то он, может, и не помешает, а только когда на борту самолёта тринадцать человек, так, прости меня, старого человека, я как-то себя не в своей тарелке чувствую.

- А ты об этом не думай, вот и будет у тебя и своя тарелка и всё остальное в порядке.

- Не могу я об этом не думать. Как посмотрю на него - перед

глазами и стоит эта цифра.

- Напрасно ты, Иван Иванович, забиваешь себе голову всякой чепухой. Мало у тебя работы, что ли? Лучше бы за делом следил да порядок на корабле навёл.

- Дело делом, а всё-таки я прошу тебя, скажи Водопьянову и посоветуй одного человека оставить сегодня на земле. Прямо работать не могу, как вспомню эту чортову дюжину.

Хорошо понимая, что всё это глупости, я все-таки решил успокоить Щербакова и поговорить с Водопьяновым.

Водопьянов сидел на двухтонной бомбе, курил папиросу и беседовал с тем самым корреспондентом.

- Михаил Васильевич, - отвёл я его в сторону, - сегодня на полёт у нас набирается тринадцать человек. Нельзя ли взять ещё одного пассажира или одного оставить?

- А зачем это нужно?

- Да число тринадцать какое-то неудобное, - ответил я.

Водопьянов посмотрел на меня как на сумасшедшего и так отругал, что я не знал, куда деваться. Сам себя я выругал ещё покрепче. Ну, чего я сунулся с такой ерундой?

За работой, в горячей предполётной подготовке вскоре были забыты и число членов экипажа, и переживания Щербакова, и моё глупое вмешательство.

Пусэп тоже готовил свой самолёт на ту же цель. В качестве контролёра летел начальник штаба нашего соединения полковник Шевелев.

Всё готово. Докуриваем папиросы, застёгиваем ремни, надеваем унты и с нетерпением поглядываем на часы.

Наконец, мы в воздухе. Самое худшее - взлёт на ухабистом аэродроме осталось позади.

В углу моей кабины, закутавшись в меха, с большим развёрнутым блокнотом сидит корреспондент. Он напишет о нас статью в газете: "Летчики полковника Лебедева успешно рубят клешни фашистского краба", или что-нибудь в этом роде.

Я с завистью смотрю на его большой блокнот, по которому уже забегал карандаш, и думаю о том, что вот мне, столько раз летавшему, никогда не удавалось не то что написать, а даже толком рассказать о виденном и прочувствованном в полёте так, чтобы всем было понятно и ясно, в каких условиях нам приходится работать. А он, может быть, впервые попав на самолёт, да ещё в ночной полёт, сегодня напишет статью, из которой уже завтра миллионы узнают обо всём, что было интересного и поучительного в нашем полёте.

Большое дело, когда у человека есть талант. А вот мы, лётчики, умеем только летать. Но зато это дело делаем неплохо.

Сегодня мы нашему пассажиру докажем.

При этих мыслях у меня возникает почему-то тёплое чувство к моему соседу, и я подношу к его глазам карту и показываю на озеро, которое мы сейчас пролетаем. Мне хочется, чтобы он понял и оценил, как точно я, штурман корабля, веду самолёт по намеченному пути.

Самолёт с набором высоты наползает на густые чёрные облака. Солнце давно уже зашло. Быстро наступает темнота.

- Михаил Васильевич, нельзя за облаками летать. Потеряем детальную ориентировку. Цели не найдём.

- Ничего, Саша, облака скоро кончатся, вон там впереди что-то чёрное виднеется, это и есть, наверное, граница облачности.

- Федорищенко, смотреть вперёд внимательно, при появлении разрывов или границы облаков докладывать мне.

- Есть, товарищ штурман, докладывать всё, что касается облаков.

Справа, далеко на горизонте, где обрывались облака, чернеет земля. Видны густые артиллерийские вспышки и разрывы зенитных снарядов. Там Тула. Она отражает натиск фашистских зверей.

- Ну как, Федорищенко, не видно впереди конца облаков?

- Нет, товарищ штурман, всё по-старому, ни разрывов в облаках, ни конца облаков не видно.

- Михаил Васильевич, давайте снижаться, да пойдём низом.

- Хорошо, - буркнул неохотно Водопьянов, который не любил полётов под облаками, и, обращаясь к Мосалеву, приказал:

- Давай, Петро, на снижение веди, да поаккуратней в облаках, шуруй, поменьше виражи закладывай.

- Есть, аккуратно в облаках шуровать, - бодро ответил Мосалев и, отдав штурвал от себя, направил машину в густые облака, отчего в самолёте и вокруг него стало совсем темно.

Мой сосед закрыл блокнот, сунул его куда-то вместе с карандашом и, пощупав на груди парашютное кольцо, как бы проверяя его наличие, крепко ухватился за что-то руками, приготовляясь к полёту со "снижением" в облаках.

- Курс! Курс выдерживай! Куда ты всё влево забираешь? Что у тебя, левая нога длиннее правой? - кричу Мосалеву.

- Да нет. Одинаковые. Это я немножко зазевался, - виновато проговорил Мосалев, исправляя курс самолёта.

С 5200 метров мы начали снижение в облаках при температуре минус 16 градусов. На высоте 3000 метров началось обледенение самолёта. По кабине застучали срывающиеся с винтов куски льда.

- Мосалев, быстрее снижайся. Чего ты тянешь кошку за хвост?

Давай выходи быстрее. У меня все стёкла льдом побьёт.

- Не имею права. Выполняю приказание командира - аккуратно и осторожно шуровать в облаках.

- Ладно, Петро, снижайся побыстрее, а то, чего доброго, ещё без штурмана останемся, убьёт его куском льда, - сказал Водопьянов.

- Есть, быстрее выходить из обледенения, - проговорил Мосалев и пустил вниз машину так, что кругом в темноте всё засвистело.

- Как, Саша, скоро дойдём до цели? - спросил Водопьянов.

- Минут через десять.

Внимательно слежу за температурой и высотомером, стрелки которых двигаются в сторону нулей.

- Как же мы будем бомбить? Высота-то у нас будет малая? - спросил Водопьянов.

- Ну, если мы с такой высоты будем бомбить, это ещё хорошо. Я боюсь, что у нас над целью вообще никакой высоты не будет, - ответил я и крикнул Мосалеву: - Петро, давай теперь потише снижайся, обледенение прекратилось. Скоро конец облакам. Стрелки, смотреть внимательно вниз, искать землю.

- Есть, искать землю внизу, - весело ответил Федорищенко.

Высота 500 метров... 400 метров... Всё так же темно кругом, темно в самолёте.

- М...да... - мычит Водопьянов. - Саша, с этой высоты нам бомбить, пожалуй, нельзя. Подорвёмся на своих.

Меня самого, признаться, мучили сомнения, на какой минимальной высоте у меня не дрогнет рука нажать на боевую кнопку и сбросить бомбы, среди которых половина бомб стокилограммовых и половина двухсотпятидесятикилограммовых. По инструкции наши бомбы можно бросать с минимальной высоты 600 метров. Но инструкция писалась в мирное время. За стокилограммовые я мало беспокоился. Их можно сбросить с высоты 200 метров, и ничего с самолётом не случится. А вот что делать с остальными бомбами, я пока что никак не решил.

Высота 200 метров. Температура плюс пять градусов, но до чего же жарко!

- Вижу землю! - закричал Федорищенко.

- По нас стреляют! - крикнул другой стрелок, Ярцев.

- Так держать. Сейчас разберёмся! - скомандовал я.

Внизу под облаками кромешная тьма. Земля просматривается только по большому количеству пожаров и вспышек от стрельбы всех родов оружия.

- Ну, Саша, разбирайся что к чему да распоряжайся.

- Всё будет в порядке, Михаил Васильевич, - уверенно сказал я, не имея ещё никакого определенного плана действия. Задев за что-то правой рукой, я увидел, что левая нога моего соседа упёрлась в прицел, в самое стёклышко, к которому я сам никогда даже руками не прикасаюсь. Тут я вспомнил, что мой сосед - корреспондент центральной газеты и что он тринадцатый человек на борту нашего самолёта. Мысленно выругал Щербакова - за каким чортом он мне напомнил эту цифру.

- Федорищенко, будешь помогать мне вести наблюдение за землёй. Замечай направление наземной стрельбы. Сейчас куда стрельба ведётся?

- На запад стреляют, товарищ штурман.

- Хорошо. Смотри внимательно и, как только заметишь, что стрельба пойдёт на восток, скажешь мне.

Никаких ориентиров, по которым обычно штурман уточняет своё место и направляет самолёт на цель, не видно. Какие уж тут ориентиры - тут бы хоть землю не потерять из виду!

У меня созрел план: по вспышкам наземной стрельбы определить линию фронта и по ней выйти в район цели.

- Алло, Богданов, свяжись с самолётом Пусэпа. Они раньше нас вылетели и уже должны были отбомбиться. Запроси обстановку и как бомбили.

- Товарищ штурман! На земле стреляют на восток. Вот сейчас только перешли линию фронта. Под нами немцы, - доложил Федорищенко.

- Хорошо! Молодец! Из вас, Федорищенко, выйдет большой человек. Мосалев, повернуть вправо на девяносто градусов, да покруче, сколько можно.

- Есть, покруче! - отвечает Мосалев без прежней бодрости в голосе.

Он заметно устал. На крутом вираже он теряет высоту, и я слышу голос Водопьянова:

- Петро, смотри, землю крылом не зацепи. Ты бы возле огней поближе разворачивался, там всё же видней.

- Товарищ командир, - докладывает Ярцев, - по нас сильно стреляют. Возле меня пулевые пробоины в плоскости.

- Откуда и из чего стреляют? - спросил Водопьянов.

- Как линию фронта перешли - со всех сторон бьют, не стреляют, по-моему, разве что из пистолетов.

- А почему же мне ничего не видно? - спросил Водопьянов.

- Потому, что стреляют они не трассирующими, - ответил Ярцев. - Я сам сначала не понимал, пока пули не начали щёлкать возле меня.

Стыдно признаться, но цифра тринадцать не выходит у меня

из головы. Злость душит. Где Орел? Куда переместилась линия фронта? Какое сегодня число? Нет, не тринадцатое. Какая температура? Пять градусов. На каком приборе есть ещё эта злосчастная щербаковская цифра?

- Саша, сколько ещё времени предполагаешь искать цель? - спросил Водопьянов.

- Тринадцать минут! Нет! Почему тринадцать минут? Кто сказал тринадцать? Меньше. Сейчас подойдём к цели.

Наклоняюсь к уху корреспондента и громко, но спокойно объясняю ему, что здесь оставаться небезопасно, что пули через кабинное стекло могут убить, и предлагаю ему занять место возле борттехников. Корреспондент охотно ушёл назад и примостился у ног Щербакова. При отражённом свете приборного щитка вижу злое лицо Щербакова, устремлённое на "тринадцатого".

- Товарищ штурман, впереди или стреляет крупная артиллерия, или бомбят, - докладывает Федорищенко.

- Это наши бомбят.

- Товарищ штурман, от Шевелёва получено радио: "Цель видели, бомбили из облаков по расчёту времени. Цель обозначена пожаром".

- Саша, идём прямо на цель, - оживился Водопьянов.

- Видны прожекторы. Стреляют редко. Хорошо идём!

- Ну, теперь давайте соблюдать тишину и порядок. Мосалев, слушать и выполнять мою команду быстро и точно. Держи прямо на вон тот большой пожар. Первый заход сделаем холостой, посмотрим, что к чему, а потом уже начнём работать, - сказал я, не отрываясь от стекла кабины.

Низко лёг луч прожектора, направленный в нашу сторону. Большое зарево как раз в том месте, где нам приказано сбросить бомбы. Его можно взять за точку прицеливания. Другой пожар, поменьше, беру за исходную точку и подсчитываю боевой курс самолёта при бомбометании. Теперь всё ясно!

На земле во многих местах видны вспышки. Огненные струи проходят рядом с самолётом.

- Мосалев, накройся! - кричу я, и машина резким рывком вскочила в облака. - Поверни вправо на девяносто.

Мосалев молча выполняет все мои команды, и на малой высоте в облаках наша тяжёлая машина в его умелых руках послушна.

- Так хорошо, очень, Петя, хорошо, - говорю. - Теперь ещё раз вправо на девяносто и со снижением выходи из облаков. Будем делать коробочку и заходить на цель с курсом сорок пять.

Земля сверкала тысячами огней. Гул наших четырёх мощных моторов хорошо должен быть слышен на земле даже сквозь

сильную канонаду. Как только мы вышли под нижнюю кромку облаков на высоте менее 200 метров, сразу же в нашу сторону направились десятки нитей и сотни вспышек.

- Мосалев, накройся.

- Правильно, Саша, - говорит Водопьянов, - уж больно много здесь охотников на нас одних.

- Мосалев, вправо девяносто и со снижением. Веди машину под самой кромкой облаков, так, чтобы голова была в облаках, а ноги под облаками.

- Есть, держать ноги под облаками.

- Вижу огоньки, - сказал Федорищенко.

- Так держать, - подал я команду. - Федорищенко, направляйте самолёт на большой красный пожар, так, чтобы пройти через пожар, который поменьше.

- Надо довернуть влево градусов десять, - ответил Федорищенко.

- Хорошо, доверни, Мосалев, - говорю я, открываю бомболюки и, прильнув к прицелу так, что левым глазом вижу впереди огонь, правым готов его поймать в перекрёстке на стекле прицела.

- Алло, экипаж! Высота у нас малая. Взрывом наших бомб немного тряхнёт машину. Прошу держаться покрепче. Мосалев, как сброшу бомбы и крикну "Накройсь", так сразу бери штурвал на себя и что есть духу тикай в облака, делаю я последнее наставление.

- Есть, держаться покрепче.

- Есть, в облака тикать что есть духу, - ответил Мосалев.

- Мосалев, чуть влево. Спрячь голову в облака. Так, хорошо. Ну, раз... два... три... Накройсь!

Стокилограммовые бомбы оторвались. Машина резко пошла вверх и скрыла от нас и прожекторы, и вспышки, и красный пожар, на который мы сбросили бомбы. В ту же секунду по самолёту пошёл какой-то треск. Это внизу рвались одна за другой наши бомбы.

Когда треск и тряска прекратились, Водопьянов обратился ко мне:

- Саша, подсчитай точную высоту, с которой мы бомбили. Это и будет минимальная высота по новой военной инструкции.

Однако сделано только полдела. На борту оставались ещё двухсотпятидесятикилограммовые бомбы. С этой высоты бросать их нельзя. Решили сбросить их с большей высоты по световому пятну на облаках или по расчёту времени от хорошо заметного ориентира.

- Алло, Мосалев, набирай высоту пятьсот метров. Разворот стандартный на сто пятьдесят с расчётом пройти над целью.

- Есть, пройти над целью.

- А не маловато ли, Саша, пятьсот метров? - усомнился Водопьянов.

- Поправочный коэфициент на военное время будет для обоих типов бомб одинаковый, и результат получится одинаковый.

- Ну, ладно, тебе виднее, дело штурманское.

- Федорищенко, смотрите вперёд внимательно. Идём на цель. Нам нужно увидеть на облаках светлое пятно от пожара, по которому мы бомбили, и от прожекторов в районе цели. Вы запомнили, откуда прожекторы на нас светили?

- Запомнил, товарищ штурман. Увидим, здесь облака не густые. Сейчас под нами небольшие огоньки, и те просвечивают.

- Товарищ штурман, - сказал Ярцев, - на том месте, где мы бомбили, не один пожар, а три. Когда мы уходили от цели, я ясно видел, как на месте разрыва наших бомб возникло три пожара.

- Хорошо, Ярцев, поправка существенная. Благодарю за внимательность. Федоршценко, учтите это новое обстоятельство. Мосалев, как у тебя дела? Кончил уже свой стандартный разворот? А, быть может, ты не знаешь, что такое стандартный разворот?

- Всё в порядке, штурман. Уже развернулся. Идём на цель. А стандартный разворот знаю. Вправо или влево сорок пять градусов. Одна минута полёта, потом разворот при крене в сорок пять градусов до выхода на курс, - ответил быстро, как на экзамене, Мосалев.

- А вот мы сейчас и проверим, какой у тебя разворот получился. Выйдем на цель - пьёшь мою стопку водки. Не выйдем - я выпиваю твою.

- Выйдем, обязательно выйдем. Смотри же, при свидетелях обещал, считаю за тобой стопку.

- Товарищ штурман, впереди по курсу облака горят, - крикнул Федорищенко.

"Так, хорошо. Пропала стопка", - про себя подумал я и громко:

- Так держать. Смотреть всем вниз и точно заметить наши пожары. Бомбить будем с обратным курсом.

- Александр Павлович, - заговорил Щербаков, - бензина у нас маловато, и до дома ещё далеко. Не забывай, что у нас сегодня нагрузка большая.

- Уж не тринадцатого ли ты, Иван Иванович, считаешь за большую нагрузку, - съязвил я и немного помягче добавил: - Домой дорога короче, дойдём как-нибудь.

На облаках большие светлые пятна. Местами сквозь редкие просветы блеснёт красное пламя. Прожекторы зажглись, вспыхнули и зашарили белыми пятнами в облаках. Где-то близко

мелькнула огненная струя трассирующей очереди. Всё сошлось и совпало. Под нами была цель, о чём не замедлили доложить всевидящие стрелки.

- Ну, Мосалев, ещё один стандартный разворот, и всё будет закончено.

- Есть, делать разворот. А за эго тоже будет стопка?

- Мосалев, мою получишь, - вставил слово Щербаков, - только довези благополучно домой.

- Будете доставлены в целости, Иван Иванович. Какой удачный полёт сегодня, - повеселев, сказал Мосалев, делая в облаках, в густой чёрной темноте, классический разворот.

Три-четыре минуты потребовалось Мосалеву на разворот самолёта. Столько же мне на перерасчёты и все приготовления, связанные с бомбометанием со случайного курса и случайной высоты в облаках по светящимся пятнам.

Открыты бомболюки. Ветер свистит и гуляет по всему самолёту.

- Ну, хлопцы! Держитесь покрепче!

На прицеле установлен угол с поправкой на высоту светового пятна на облаке, и хотя по существу такое бомбометание прицельным назвать нельзя, однако в силу привычки я жду, когда вот это первое световое пятно от моего пожара попадёт в центр визира. Нажимаю кнопку. Считаю отрывающиеся бомбы и кричу Мосалеву:

- Закрываю бомболюки!

Уже совсем лёгкая машина чуть не вертикально быстро лезет вверх.

- Мосалев, меньше угол набора! В штопор свалишься, - предупреждает Водопьянов.

И в это время одна за другой сильные, сильнее тех первых, встряски подбрасывают самолёт.

Всё было окончено. С плеч свалилась тяжесть. Напряжение упало. Чувствовалась усталость.

- Мосалев, курс домой.

- Саша, как домой пойдем, верхом или низом? - спросил меня Водопьянов.

- Наверх нам не пробраться - обледенеем. А низом нам нет смысла теперь лететь - и долго и опасно. Полагаю, что самое лучшее в облаках на высоте тысяча метров. И с земли не поймают нас и не обледенеем, - ответил я.

- В облаках дорогу домой найдём?

- Что под облаками, что за облаками лететь - разницы большой нет. Всё равно, и там и тут ничего не видно. Как-нибудь домой дорогу найдём, Михаил Васильевич. Радиокомпас приведёт

точно на аэродром, об этом не беспокойтесь.

- Действуй, - согласился Водопьянов.

Привычным движением работаю радиокомпасом, нажимаю кнопки, поворачиваю ручки. Горят зелёная и красная сигнальные лампочки на щитке. Вращаю ручку настройки и устанавливаю её на волну своей станции. Но в наушниках, кроме легкого треска, ничего не слышно.

В чём дело? Что случилось с прибором? Быстро вращаю ручку и устанавливаю на волну самой мощной станции. В нормальных условиях её передачи заглушают даже шум моторов. А сейчас станция еле-еле дышит. Переключатель вправо, вращаю ручку поворота рамки и смотрю на стрелку прибора индикатора курса, которая одна может показать мне истинно верный путь. Стрелка неподвижно застыла на месте в центре шкалы прибора и никаких, даже слабых признаков отклонения вправо или влево не проявляет. Прибор не работает.

Вот так номер! Кажись, мы сегодня, действительно, влипнем. Почему не работает бывший до сего времени в исправности радиокомпас? В чём причина? Сколько потребуется времени на устранение неисправности и ремонт прибора? Хватит ли у нас горючего? Но... спокойно, спокойно. Надо сосредоточиться.

- Василий Филиппович, - обращаюсь к Богданову, - проверь антенну радиокомпаса. Что-то с ним непонятное творится.

- Антенна радиокомпаса перебита у самого основания, работать не будет.

- Вот тебе и тринадцать! - сказал шутя Водопьянов.

- Я вам говорил... Я вам говорил, - быстро заговорил Щербаков, что-нибудь должно было случиться. Вот и долетались. Бензин на исходе.

- Щербаков! Слушайте меня внимательно и не перебивайте. От вас сегодня я только одни глупости слышу. Если ничего умного не можете сказать, то лучше помолчите. А вам я гарантирую, что кости глупого папаши ваших умных детей будут доставлены на аэродром в целости и сохранности. Михаил Васильевич, всё будет в порядке, сейчас наладим и заставим прибор работать.

- Мосалев, держи курс! Почему машина болтается так, что не поймешь, какой у тебя курс? Веди по ниточке. Да высоту выдерживай.

- Есть, по ниточке вести. Это мы можем. А я думал, что пойдём по радиокомпасу, почтому немножко разболтался, - ответил Мосалев без тени сомнения в благополучном исходе нашего полёта.

- А ты, Петя, не думай, а работай. Хватит того, что Щербаков

думает за нас всех и вог до чего додумался на старости лет.

- Василий Филиппович, - обратился я к радисту, - достаньте изолированного провода метров десять и привяжите на один конец какой-нибудь груз. Будем делать антенну для радиокомпаса. Пошевеливайтесь быстрее и приготовьте ножик и плоскогубцы.

- Как же ты, Саша, антенну сделаешь? Ведь её нужно на верх самолёта устанавливать. Уверен ли ты, что прибор заработает?

- Не беспокойся, Михаил Васильевич. Всё будет сделано технически правильно. Даже не думай об этом. Десять минут терпения. Лучше подумай о том, что сегодня твой штурман остался без водки, жульническим путём отобранной у него твоим помощником.

- Если радиокомпас заработает, то ты, так и быть, получишь мою стопку.

- Ну, вот и договорились. Давно бы так. Ну, как у вас, Василий Филиппович, всё готово? Идите сюда, ко мне. Вставьте ключ вот сюда, в эту дырку. Выпускайте провод. Смелее, смелее, чего вы с ним нянчитесь? Так. Теперь привязывайте этот конец к стойке, вот сюда. Да не так, вяжите морским узлом, а не бабьим. Второй конец провода у вас зачищен? Нет? Вот ещё растяпа! Зачищайте быстрее, да делайте петельку для присоединения вот к этому болтику. Так, хорошо. Зажимайте гайку посильнее. Готово? Ну, вот и всё. Теперь мы с антенной, и сейчас наш прибор заработает. Вы сейчас, Василий Филиппович, пока что не работайте несколько минут на передатчике. Я вот уточню на радиокомпасе направление на аэродром, установлю точный курс, потом уже можете работать, сколько вам нужно.

Включаю прибор. Загорается зелёная лампочка, и стрелка прибора отклоняется до конца вправо. Прибор заработал. Вращаю ручки настройки приёмника и рамки. Перестанавливаю переключатели, регулирую чувствительность и подаю команду:

- Мосалев, доверни вправо десять градусов. С вас, Михаил Васильевич, стопочка!

- Спорить нечего - заработал, а я, признаться, подумывал, что придётся мне на старости лет висеть на парашюте. Молодцы, ребята! Угостил бы хорошо, да сам по стопке только получаю.

- Ничего, Михаил Васильевич. Это дело поправимое, - проговорил Богданов. - В Москву попадём, там будет виднее...

И пошли разговоры, совсем не относящиеся к полёту.

Пришёл в кабину корреспондент. Я усадил его, зажёг свет и, откинув маленький столик, предложил ему под свежим впечатлением написать статью. Но корреспондент писать ничего не стал. Разглядывая щиток с многочисленными приборами, он

пытался понять, что к чему, но, очевидно, из боязни показаться профаном стеснялся задавать мне вопросы и многозначительно молчал.

- Мосалев! Что это, чистое небо? Я как будто звёзды вижу? - спросил Водопьянов.

- Облака кончились, - сказал Федорищенко, - видно и небо и землю.

- Небо-то и я вижу, а вот землю, хоть глаз выколи, не вижу.

- Впереди по курсу вижу прожектор! Идём прямо на аэродром.

- Лётчики! Сделайте одолжение Щербакову, не растрясите его костей на посадке, - обратился я к лётчикам, с тайной мыслью заставить их помягче посадить самолёт.

- Не беспокойтесь! Посадим, как на перину, - ответил Мосалев.

- За взлёты и посадки, Саша, не беспокойся. Предоставь это дело нам с Мосалевым решать так, как мы умеем. В этом мы кое-что понимаем. Мосалев, заходи подальше на посадку, - сказал Водопьянов.

- Будет все сделано, - ответил Мосалев, разворачивая машину и направляя её на аэродром, на котором лежал луч прожектора.

Самолёт с приглушенными моторами, мягко коснувшись колёсами, катится по мягкому полю, вздрагивая на неровностях. Прожектор потух. И снова вокруг нас чёрная ночь. Но мы уже на земле, и теперь нас мало беспокоила и темнота, и всё остальное, что до этого так волновало.

Выйдя из самолёта, я отозвал в сторону Щербакова и сказал ему потихоньку:

- Ваш солидный возраст заставляет меня Относиться к вам с уважением, но... как насчёт тринадцати?

- Да я теперь, Александр Павлович, и сам больше не верю, хай ему бис, виновато ответил Щербаков.

По лесной дороге, в темноте, не спеша, шагаем на командный пункт отчитываться о проделанной работе. Курим и весело труним друг над другом, вспоминая острые моменты полёта.

В столовой, выпив заслуженную третью стопку водки, Мосалев взглянул на Щербакова и сказал:

- Кто говорил, что тринадцать несчастное число? Неверно это... Такого удачного полёта в моей жизни ещё не было. Отныне считаю, что тринадцать самое везучее число.

Но "тринадцатый" забыл о нас - ни в центральных газетах, ни в других печатных органах статьи о нашем полёте не появилось. А мы так её ждали...

13

Ноябрь. Почти каждую ночь, невзирая на погоду, улетают

наши корабли на ближние цели и успешно бомбят немцев, упрямо рвущихся к Москве. Плохой аэродром и тяжёлые взлеты уже никого не смущают. Все привыкли к ним. Даже полковник Лебедев, взмахивая флажком, уже не отворачивается от неудачно взлетающего самолёта.

В эти именно дни двум нашим кораблям с экипажами Водопьянова и Пусэпа приказано готовиться к боевому, полёту на город и военный порт Данциг.

Мы перелетаем на один из подмосковных аэродромов, с большой бетонированной полосой, с которой только и возможен взлёт наших кораблей с полной боевой нагрузкой.

В лесу среди высоких сосен небольшой, красивый белый дом - бывший санаторий. В нём размещён лётный состав. В комнатах дорогая мягкая мебель. В библиотеке можно выбрать любую книгу. На стенах картины лучших художников. Рояль, патефон, баян. Народу много. Шумно. Мы жмёмся друг к другу, одичали мы малость там, у себя на хуторе.

Здесь особенно чувствуется горячее дыхание войны. Подмосковное небо день и ночь гудит сотнями и тысячами моторов. Низко над лесом проносятся группы штурмовиков и лёгких бомбардировщиков. Взлетают и садятся беспрерывным потоком самолёты всевозможных типов и разных назначений, управляемые и регулируемые чьей-то невидимой рукой. За облаками барражируют истребители.

Доносятся пулеметно-пушечные очереди. Где-то серией рвутся бомбы, стреляют зенитки.

Там, у себя, на своем аэродроме, каждый наш экипаж чувствовал себя силой, способной повлиять на исход сражения. И каждая наша ошибка - невылет какого-либо самолёта на боевое задание, неудачно сброшенные бомбы и т. д., расценивалась нами как проигрыш того или другого сражения по нашей вине.

Здесь же, растворившись в большой авиационной массе людей, мы чувствовали себя уже большой армией, способной помочь выиграть не только отдельное сражение, но и решительно повлиять на исход войны.

Мы стояли у своих самолётов, настроенные к полёту "хоть к чорту на рога". Ждали приказа на вылет. Небо гудело моторами невидимых за облаками истребителей. Над нами низко с воем проносились на сумасшедшей скорости штурмовики.

Погода была дрянная.

Штурманы определяли горизонтальную - видимость в два километра, лётчики же утверждали, что видимость не больше одного километра. Давно уже я заметил, что в оценке погоды между штурманами и лётчиками существуют разногласия. И

объясняю это тем, что лётчикам, решающим задачи взлёта и посадки, погода всегда кажется немного хуже, чем штурманам. Вопросы взлёта и посадки штурманов не волнуют, так как их работа начинается только после выхода самолёта за облака. Вот почему для штурманов существенной разницы нет - на один километр видимости больше или меньше.

Из лесу вышла знакомая машина командира и направилась в нашу сторону.

Приказание на вылет или отбой?

Штурманы и радисты решили: "Полетим". Лётчики же, кося взгляд в конец аэродрома, скрывавшегося в надвинувшемся тумане, думали: "Наверное, отбой будет".

Не выходя из машины, полковник Лебедев сказал:

- Кто хочет в Москву, отпускаю до утра. Завтра всем быть на месте и в "форме".

Решили ехать. Подъезжая к городу, мы увидели на низких облаках отражение огненных вспышек.

Воздушная тревога. Думая, что во время тревоги нас в Москву не пустят, мы пожалели о потерянном вечере. Но у заставы нас никто не задержал, и только въехав в город, мы поняли в чём дело. Один за другим шли трамваи. На проводах сверкали искры и, образуя вольтову дугу, отражались огнём на облаках. Вот что мы приняли за очередной налёт на город, В ресторане много света и шума. Играет музыка. Большинство военных в полном боевом снаряжении. Пришли знакомые артисты. С беспокойством расспрашивают, далеко ли на восток зайдёт немец, и возьмёт ли он Москву. Мы клятвенно заверили, что Москвы немцу не видать и им следует сидеть на месте и делать своё дело. Развеселившиеся артисты исполнили здесь же, в кабинете, какой-то скэтч.

Завыли сирены, и нам, воздушным бойцам, стало на земле как-то не по себе. Вышли на улицу. Где-то стреляли зенитки, шарили прожекторы. А вой сирены будил непонятную тревогу.

Нет, на самолёте, даже в самой гуще разрывов и прожекторов, во сто крат лучше. За привычным шумом моторов ничего не слышно, глаза заняты поисками цели, и посторонние вещи мало беспокоят.

Отбой. Тревога скоро кончилась. В ту ночь немцев не допустили к центру Москвы. Ночевали все по своим квартирам.

На следующий день погода ухудшилась. Снега ещё нет, но в воздухе он уже чувствуется. Землю слегка подмораживает. Стрелки наши во главе с техником по вооружению Бражниковым днём подвешивают бомбы, а вечером после отбоя снимают.

Весь день третьего ноября погода была неустойчивой. То

немного прояснится, то снова наплывают облатка. Но с полдня экипажи на местах, готовятся к вылету. На аэродроме оживление. Барражируют усиленные наряды истребителей. На старте в боевой готовности эскадрилья истребителей. Ревёт сирена. Воздушная тревога. Эскадрилья взлетает. На её место из леса выруливает вторая эскадрилья. На всех самолётах на каждой огневой точке дежурят стрелки и пушкари. Дежурный разъезжает по аэродрому и направляет всех людей в лес. За рекой, у опушки леса, взметнулись клубы дыма и через несколько секунд раздались взрывы авиабомб. Видать, метили в наш аэродром, да бросили из-за облаков и здорово промазали. Стреляют зенитки. Строчат в воздухе пулемёты и пушки истребителей, и всё это постепенно удаляется куда-то на запад.

Вечереет. Истребители и штурмовики садятся и заруливают в лес. Дневной шум постепенно затихает. Его сменяет ночной шум, неуловимый и неопределённый.

Под Москвой ночь не дарит авиации ни отдыха, ни передышки. Где-то далеко сверкают огни, слышны глухие взрывы и стрельба, и тихо, монотонно урчат моторы. Приближается час, в который немцы обычно налетают на Москву. Напрягаегся воля всей авиации, сконцентрированной вокруг столицы.

Томительно медленно идёт время. Подходит намеченный срок вылета. Из темноты вынырнула машина и остановилась у нашего самолёта. Выходят полковник Лебедев и полковник Шевелев.

Оба полковника без рукопожатий провожают нас в далёкий путь.

Шевелев сказал: "Головы выше! По коням!", а Лебедев добавил: "Ни пуха вам, хлопцы, ни пера".

Можно было думать, что связь между двумя полковниками и нами обрывается до утра, до нашего возвращения из далёкого боевого полёта. Но это не так. Мы знали, что Лебедев и Шевелев будут эту ночь бодрствовать на командном пункте. Они будут следить за нами, переживать вместе с нами процесс полёта и в случае нужды помогут дельным советом.

Экипаж занял свои места, стремянки убраны, люки закрыты. Не спеша, спокойно сдвинулся с места и поплыл в ночную темь самолёт Пусэпа. Ровно, как по линейке, удалялись от нас огоньки его самолёта. Красный... зелёный... белый... и далеко в конце аэродрома, у самой реки, лампочки отделились от земли и медленно поползли вверх...

Наш самолёт, развернувшись носом к реке, побежал вниз по дорожке, все убыстряя свой бег.

У обоих кораблей одно задание - бомбить Данциг. У обоих

экипажей на картах одинаковые маршруты в оба конца. Но от прямых линий, проведённых на карте, у обоих самолётов неизбежны отклонения - разные пути могут быть у них. И всё же оба самолёта встретятся в одной точке, сбросят бомбы на одну заданную цель.

Некоторое время наш самолет шёл на высоте 200 метров под кромкой сплошных облаков. Земля здесь беспокойная. То там, то тут вспыхнет прожектор, лизнёт самолёт, узнает своего и погаснет. Каждый прожектор требовал от нас условной ракеты.

- Мосалев! Давай уходи вверх, - раздался голос Водопьянова. - Так и ракет у нас нехватит.

Мосалев повел машину с набором высоты в появившееся в это время над нами "окно". "Окно" снизу закрылось и надежно спрятало нас от глаз с земли. Через 26 минут полёта мы были на высоте 3000 метров. По расчёту здесь, под нами, закрытое облаком небольшое озеро, откуда следует менять курс. Поворачиваем самолёт на запад. Впереди тысяча трёхсоткилометровый прямой путь. По прогнозу его придётся пройти, не видя земли. Ну, что ж, мы и к атому готовы. На лучшее мы и не рассчитывали.

Слева, на юге, далеко на горизонте искрами вспыхивали огоньки. Это Москва отражает очередной налёт немцев.

На самолёте установилась тишина, обычная при перелётах вне видимости земли. Где-то под нами прошла Волга и Московское море. Слева остался Калинин, в районе которого шли ожесточённые бои.

С командного пункта внимательно следят за нашим полетом и довольно часто сообщают по радио наше место по радиопеленгам.

Прошло четыре с половиной часа полёта за облаками.

Высота 6000 метров. Температура минус 30. Холода не чувствуется. Работаю без перчаток.

- Федорищенко! Смотреть внимательно. Подходим к берегу Балтийского моря. Должны быть светомаяки.

- Всё время смотрю, аж глаза болят. Ничего, кроме облаков, нигде не видно.

Стрелка прибора индикатора радиокомпаса отошла от правого края и стала на середине. Измеренные высоты двух звёзд и полученный с земли радиопеленг показывали, что мы вышли к берегам Балтийского моря если и не точно в намеченной на карте точке, то где-то близко возле неё.

- Богданов! Давайте радиограмму! Всё в порядке. Следуем к цели за облаками.

- Мосалев! Больше высоты не набирай. Так пойдём.

- Саша! А ведь у нас в задании высота бомбометания гораздо большая указана, - напоминает мне Водопьянов.

- Ничего, Михаил Васильевич! Хорошо, если мы удержимся на этой высоте. Не пришлось бы при этой погоде ещё ниже опускаться.

Впереди и справа от нас ровная снежная поверхность облаков. Слева грядой тянутся высокие кучевые облака, и под ними второй слой низких облаков. По прогнозу здесь три яруса облаков. Похоже на то, что прогноз оправдывается. Однако здесь проходит граница между двумя поверхностями водной и земной, и могут быть отклонения от синоптических законов. Такие синоптические аномалии я часто наблюдал в Арктике при полётах над побережьем Ледовитого океана. Но нет, этого не случилось.

В душе теплится надежда, что где-нибудь должны же облака разорваться над берегом, и мы, хоть на минуту увидя землю, проверим правильность всех наших расчётов.

А пока что штурман ведёт корабль к невидимой цели, а остальные одиннадцать членов экипажа смотрят во все глаза на облака, чтобы при появлении чего бы то ни было под ними помочь штурману уточнить место перед целью.

- Товарищ штурман! Вижу огонь! - крикнул Федорищенко. - Вот смотрите впереди, немного слева, там, где тёмное пятно, мигает огонёк.

- Бывают же чудеса на свете. Саша, это что же за место, где огонь виден? - спросил Водопьянов.

- Морской светомаяк на мысу Кенигсбергского полуострова. От нею до цели осталось сто километров. Вот, смотрите, правее от маяка, против луны, блестит дорожка, - это и есть море, и мы сейчас идём точно по своему маршруту, - разъяснил я экипажу.

Огонь маяка скрылся иод наползшими облаками. Но теперь он нам был ненужен - он уже сослужил нам свою службу.

- Мосалев, веди машину точно по курсу. От тебя теперь будет зависеть выход точно на цель.

- По ниточке проведу, - как всегда бодро, отвечал Мосалев.

Для всего экипажа наступили напряжённые минуты ожидания, для штурмана же - решающие...

У штурмана есть ещё особая задача. Мало привести самолёт на цель. Надо, чтобы все видели, что бомбы, с таким напряжением переброшенные на большое расстояние, точно попали в цель.

При современной технике опытный штурман может вывести самолёт за облаками в любое место и уверенно сбросить бомбы на невидимую цель. Но хочется своими глазами видеть цель. И я

понимаю состояние моих товарищей.

Внимательно изучаю характер облаков и решаю, до какой же высоты надо снизиться, чтобы увидеть цель. Высокие облака в этом районе не сплошные; значит, не должны быть сплошными и нижние облака.

- Богданов, запрашивайте пеленги через каждые две минуты! Федорищенко, смотрите только вперёд. Остальным - внимание на своих секторах. Мосалев, курс и высоту поточнее выдерживай.

В последний раз перед целью измеряю высоту Полярной. Прокладываю на карте радиопеленги. Все расчёты сходятся в одной точке. Корабль верно приближается к цели.

- Товарищ штурман! Впереди бомбят! - кричит Федорищенко.

- Сколько разрывов?

- Восемь взрывов, один очаг пожара. Мы идём точно на него. Осталось, по-моему, километров десять. Зенитки стреляют. Сейчас появились прожекторы.

- Это бомбит Пусэп, - сказал я. - Молодец штурман Лебедев, справился со своей задачей.

- Саша! Только не торопись! - предупреждает меня Водопьянов. - Далеко летели, так давай и бомбить получше!

- Есть, Михаил Васильевич, сделать получше. Быстро идём на цель. Вот уже и светлое пятно под нами на облаках виднеется. Минутная стрелка часов пришла к своему расчётному месту... Пеленг, полученный Богдановым, пересекает цель. Пришли.

- Ну, Мосалев! Теперь с левым виражем спираль вниз! Пробьём верхний слой облаков. Они не должны быть толстыми, а там увидим, что делать.

- Есть, спиралить вниз и смотреть, что получается, - весело ответил Мосалев и повёл машину вниз.

- Алло, Богданов! Давайте радиограмму; "Пришли на цель. Пусэп отбомбился удачно. Есть пожар, ПВО слабое. Облачность трех ярусов, с разрывами".

Верхний слой облаков редкий. Пробив его на высоте пять тысяч метров, мы были уже над вторым слоем облаков.

- Вот один прожектор, два, три, - считал вслух Федорищенко. - Товарищ штурман! Облака не сплошные. Есть разрывы. Внизу огни. Город под нами. Вижу реку и море. Пожар в городе. Вот сейчас стрелять начали. Стреляют редко. Можно бомбить и с этой высоты.

- Саша, стреляют плохо, - сказал Водопьянов. - Может, это не Данциг? В половине города огни горят!

- Нет, это настоящий Данциг. А плохо стреляют потому, что ещё не научились. Ведь это их глубокий тыл. Половину города затемнил Пусэп, а вторую половину придётся нам затемнить.

Мосалев, так держи! Ровнее. Чуть вправо. Так хорошо. Алло! Сейчас сбрасываю два "саба". Внимательно наблюдайте за пожаром Пусэпа и за разрывами. Эх, чортов прожектор, поймал! Стрелять стали точнее. Мосалев, поверни вправо, спрячься за этими облаками.

Машина сильно вздрогнула от близких зенитных разрывов.

Наползли облака и отделили самолёт от надоедливого прожектора.

- Товарищ штурман, - обратился ко мне Федорищенко, - левее пожара много маленьких огоньков. Это и есть город. Они на улице огни выключили, а в домах кругом всё светится.

- Вижу. Чуть вправо, Мосалев. Держи ровно. Так хорошо. Открываю люки. Отворачивать направо на облака. Вот только бы прожектор не помешал. Так... Раз... два... три...

Прожекторы лениво лазали по облакам. Стрельба была жидковатая. Вдруг среди слабых огней незамаскированного города взметнулась цепочка красных разрывов и осветила густо заселённые кварталы города. Все огоньки на земле сразу погасли. Только два огня на месте разрывов третьей и пятой бомбы разбушевались громадными пожарами среди кромешной тьмы. "Всегда мне почему-то везло на тройки и пятёрки", подумал я.

Прожекторы быстро забегали, зенитка зачастила.

Но прожекторы уже бессильны, машина выведена на поверхность мягких, пушистых, теперь таких приятных облаков. А случайные попадания зениток, особенно когда их немного, вещь маловероятная.

- Ну, как, Саша? Замаскировал Данциг? - спросил Водопьянов.

- Замаскировали, товарищ командир. Очень хорошо замаскировали, поспешил ответить старшина Секунов.

От всех тревог и волнений не осталось и следа. Экипаж на все лады обсуждал преимущества дальних полётов перед ближними, и кормовой стрелок Ярцев долго докладывал, что облака над целью всё горят.

Бодрое и весёлое настроение, обычно сопутствующее удачному бомбометанию, не покидает нас.

Проходим над мысом. Пробиваемся кверху через тонкий слой высоких облаков, поближе к звёздам. Они нам сегодня так нужны: они ведь помогли нам найти цель. Они же доведут нас и домой.

Поворотная точка. Море остаётся сзади, а впереди... четырёхчасовой полёт за облаками при тусклом свете звёзд.

Для штурмана время пройдёт незаметно. Но для всех остальных оно будет тянуться убийственно медленно. И чтобы хоть чем-нибудь заполнить время, люди вынимают термосы и пакеты с ужином и вперемежку с кислородом пьют чай и

закусывают бутербродами.

Две задачи стояли передо мной на обратном пути - не выйти в район Москвы, где наши "здорово дают", по горькому опыту товарищей, и второе найти свой аэродром. Казалось бы, очень простые задачи, для решения которых, собственно, и находится на борту самолёта штурман. Но в этих условиях от штурмана требовалась особая осторожность, бдительность и ни на одну минуту не прерываемый контроль:

По всем промерам и расчётам на нашей высоте был сильный ветер слева, и поправка на угол сноса на моём компасе доходила до 20 градусов. Это очень большая поправка, и за ней надо было всё время следить. Мне было не до чаю и не до замёрзших бутербродов.

На корабле тишина и спокойствие. Кто его знает, кто о чём сейчас думает. Но по тому, как напряжённо и точно Мосалев ведёт самолёт, как часто интересуется Водопьянов погодой в Москве, я понимаю, что они думают о том же, чем занята моя голова. Не давая накопиться сомнениям, я подробно докладываю обстановку, планы и мероприятия. В моём освещении всё сводится к тому, что нет никаких оснований для беспокойства.

Очередные измерения высоты Полярной звезды показывают, что мы отошли от своего маршрута к северу.

- Мосалев, вправо десять градусов! Богданов, пеленг давайте!

Так и есть - и звезды и радио показывают, что ветер здесь уменьшился и изменил угол.

Переключаю радиокомпас на мощную радиостанцию - слышу любимую песню Водопьянова про Ермака.

- Михаил Васильевич! Переключи свой коммутатор, послушай, какую песню поют!

На радиостанции понимают, что далёким путникам нужна сейчас особая музыка. Включают одну за другой пластинки про море широкое, про Волгу, про бродягу, переплывшего на утлом челне Байкал.

- Мосалев, пять градусов вправо! Высоты больше не набирать. Богданов, пеленги через каждые пять минут требуйте. Да во что бы то ни стало добейтесь получения погоды на аэродромах! Стрелки! Смотреть внимательно. Скоро линия фронта.

- Александр Павлович! - обращается ко мне Богданов, - вот получил пеленг, да что-то большой получается, сейчас запрошу, ещё раз проверю.

- Хорошо, Василий Филиппович! Сейчас я проверю по Полярной.

Что такое? Высота Полярной получилась меньше расчётной. Ветер переменился, и нас здорово несёт влево, на север.

- Мосалев, вправо десять градусов. Так держать! Богданов, ваш пеленг был правильный. Мы отклонились влево от маршрута. Сейчас исправим и выйдем на свою линию. Спасибо за предупреждение.

В телефон включился Федорищенко:

- Товарищ штурман, проходим линию фронта! Облака горят. Видны вспышки и зарева.

- Хорошо, Федорищенко. Спасибо. Всё правильно. Михаил Васильевич! докладываю я, - прошли линию фронта с небольшим отклонением влево от маршрута.

- Влево это ничего. Подальше от Москвы пройдём. Так теперь, пожалуй, начнём снижаться? Какая погода на аэродромах? - спрашивает Водопьянов.

- Товарищ командир, - докладывает радист, - вот сейчас получил погоду: на обоих аэродромах сплошные облака высотой двести метров.

- Маловато высоты... Надо начинать снижаться и пробивать облака, проговорил Водопьянов.

- Михаил Васильевич, ведите машину с небольшим снижением до поверхности облаков. Пробивать же вниз и выходить под облака будем над первым аэродромом по радиокомпасу. В другом месте и высота облаков может быть ниже и где-нибудь за бугор можем зацепиться.

Высота полёта 3500 метров, температура минус 10°.

Самолёт низко, чиркая брюхом по верхушкам, быстро несётся над облаками, и кажется, что это не облака, а что мы идём бреющим полётом над снежным полем.

- А как, Саша, радиокомпас, надёжно работает?

- Надёжно, Михаил Васильевич. Да ты сам послушай, как раз сейчас Лемешев поёт про тройку почтовую. Это про нас с тобой поёт, только у нас четвёрка...

- Ну, веди, Саша! Только смотри не прозевай радиостанции.

В телефонах слышимость нарастает. Музыка гремит всё громче. Звенят бубенцы. Цокают копыта тройки по гладкому волжскому льду. И несётся по всему самолёту заунывная песнь ямщика...

Стрелка индикатора радиокомпаса задрожала и отвалилась в правую сторону.

- Лётчики, давайте вниз! Радиостанция под нами!

- Мосалев, влево сорок пять с резким снижением! Стрелкам смотреть землю, - раздаётся команда Водопьянова.

Самолёт нырнул в облака. Стрелка высотомера быстро падает влево. Скорость нарастает. Самолёт как-то непривычно свистит, рассекая воздух. Высота 2000 метров... 1000 метров... 500 метров.

Началось лёгкое обледенение.

- Потише снижайся, Мосалев, а то машина развалится. Немного влево доверни. Сейчас впереди должен быть аэродром. Федорищенко, дайте ракету условную на всякий случай, а то вывалимся из облаков, кто-нибудь, не разобравшись, стрелять начнёт.

Высота 300 метров... С винтов отрываются ледяшки и стучат по кабине. Стёкла обледенели, и сквозь них ничего не видно.

- Мосалев, потише! Ниже двухсот метров не снижаться. Держи снижение один метр в секунду. Так, хорошо. Ещё пару десятков метров снизимся и землю увидим. Федорищенко, откройте окно, смотрите вперёд. Сейчас должны быть огни аэродрома.

- Есть! Вижу огни! Под нами аэродром! - закричал Федорищенко.

- Полный левый разворот вокруг аэродрома, сейчас решим, что делать! Михаил Васильевич! Что будем дальше делать? Здесь сядем или пойдём на свой аэродром?

- А какая погода на нашем аэродроме?

- Да такая же, как и здесь. Мосалев! Отверни влево, куда ты на мачты прёшься! Для того на них и красные лампочки нацепляли, чтобы в темноте не напороться, - ругаю я Мосалева.

- Так тогда зачем здесь садиться? Пойдём уж к себе домой, - сказал Водопьянов, - а на нашем аэродроме радиостанция работает?

- Работает. Вот только радиокомпас замёрз и рамка не вращается, но я думаю, что и с замёрзшим справимся как-нибудь. Мосалев, курс сто шестьдесят, пошли домой. Богданов, сообщите на наш аэродром, что через двенадцать минут будем дома, и пусть готовят прожектор и водку.

- Последнего не забудь передать! - добавил Мосалев.

Замёрзшая рамка хотя и не вращается, но всё же стрелка радиокомпаса ведёт нас прямо домой.

Блеснул луч светомаяка, взвилась ракета. Большой круг над аэродромом.

На аэродроме погасли все огни. В ту ночь мы прилетели последними.

Бодрые и довольные, не чувствуя усталости, с удовольствием шагали мы в темноте по твёрдой земле.

Полковнику Лебедеву была уже ясна работа обоих экипажей из нашей радиограммы и из доклада Пусэпа, видевшего взрывы наших бомб при отходе от цели.

В столовой, низеньком бревенчатом сарайчике, при скудном свете коптилок, за простым, из необструганных досок, столом оба

экипажа обмениваются воспоминаниями о прошедших часах в воздухе.

Второй лётчик из экипажа Пусэпа, украинец Макаренко говорит своему соседу:

- Наши бомбы как ахнули в самом центре города, так все огни сразу потухли. А прожекторы как зашарили, а зенитки как застреляли, я аж глаза закрыл.

- Ты, Макаренко, лучше расскажи, как ты закричал...

- Да, закричишь, когда он прямо в глаза ударил и ослепил так, что я даже штурвала не увидел, - отвечает, улыбаясь, Макаренко.

- Мне штурман и говорит: "Мосалев! Снижайся!" Я как загнул виража, да как пустил машину вниз, в облака, так всё и засвистело. А Водопьянов кричит мне: "Мосалев, машину поломаешь". А она только свистит, и ничего ей не делается, и всё кругом темно, темно, а потом сразу земля и аэродром под нами. Здорово вышли, прямо на самую середину аэродрома, - рассказывает кому-то Мосалев.

- Я его всё зову, зову. Прошу, дайте пеленг, дайте пеленг. А он всё не даёт. Потом как затарабанит мне быстро. Обожди, говорит, вот отработаю с Водопьяновым, потом тобой займусь.

Уже рассвет, а конца разговорам не видно. Но пришли жёны, увели своих мужей и расстроили хорошую тёплую компанию. Плохо воевать, когда жена рядом - ни тебе посидеть с приятелями, ни тебе наговориться по душам. И кто это придумал, чтобы на войне были жёны рядом с мужьями?

14

Как ни плохо стреляли пруссаки по нашему самолёту над Данцигом, всё же на следующий день мы обнаружили несколько пробоин и в одном месте повреждение какой-то жизненно важной детали, требовавшей сложного ремонта.

Командира самолёта сильно продуло сквозняком, он заболел и слёг в постель.

А тут ещё борттехника нашего перевели в другую часть. Правда, нам дали первого борттехника Дмитриева. По отзывам, неплохой техник. Он сразу же приступил к ремонту самолёта.

В эти дни вынужденного бездействия Мосалев, Богданов и я ходили вокруг самолёта, лазали внутрь, и казалось нам, что всё делается и слишком медленно и не по-нашему. Мы пытались было даже помочь нашим техникам, но и без нас на корабле было много людей, и мы не столько помогали, сколько мешали.

Командование обещало дать нам на время болезни Водопьянова нового командира, как только самолёт будет готов к полёту.

Но кого? Уж очень мы привыкли к нашему.

Погода была настолько плохой, что с нашего аэродрома не то что боевые корабли, но даже У-2 не мог вылететь. Признаться, мы втайне этому радовались: к тому времени когда будет сносная погода и взлетят боевые корабли, среди них будет и наш.

В те дни каждый из нас стремился не пропустить ни одного полёта, ни одного сражения, ни одной атаки, ни одной разведки.

Хотя наш аэродром и находился далеко на восток от Москвы, но всё же к нам доходили благоприятные вести о том, что возле Москвы назревает что-то новое, что готовятся какие-то события. Никто ничего определённого не знал. Немцы тогда всё ближе подходили к Москве и всё туже стягивали полукольцо западнее Москвы. И, несмотря на это, мы все за судьбу Москвы были спокойны. Даже больше, мы чувствовали и почти были уверены в том, что наше командование готовит немцам возле Москвы какой-то большой контрудар, и мы боялись, как бы этот удар не прошёл без нашего участия. Мы готовы были день и ночь без передышки бросать бомбы на немецкие головы.

6 ноября наш самолёт был готов. Командиром корабля назначили лётчика Пусэпа.

Завтра 7 ноября - Великий день для всего народа. С чем мы, советские лётчики, придём к этому дню? Погода стоит всё такая же плохая. Мы же молим всех святых, чтобы командование поручило нам выполнение самого сложного, самого тяжёлого задания, скажем, полёта в ставку Гитлера или что-нибудь подобное.

Никаких указаний на вылет нет. Перемены погоды не заметно. Но экипажи в боевой готовности дежурят у своих кораблей - в десятый раз просматривают, проверяют материальную часть и всё чего-то ждут.

Ура! Приехал полковник Лебедев и передал экипажам: "Ночью предстоит работа, всем кораблям дано задание - лететь в глубокий тыл противника и бомбить Данциг. А сейчас - запускать моторы, выруливать и перелетать к Москве, на второй аэродром подскока, где заряжаться горючим, загружаться бомбами и с наступлением темноты вылетать на боевое задание".

Все повеселели, с песнями снимают с самолётов маскировочные сети и чехлы.

Мимо нашего корабля идут лётчики, приятели Мосалева, до войны работавшие вместе с ним на одной воздушной линии. До сего времени они летали только на ближние и средние цели. Лётчики явно озабочены.

- Эй, вы, каботажники! О чём загрустили! - спросил их задорно Мосалев.

- Да вот увидели твоё веселое лицо, и сразу стало нам грустно, отпарировал лётчик Родных.

- Может, у вас и карт на дальнюю цель нет, - не унимался Мосалев, - так вы не печальтесь, цепляйтесь к нам поближе, мы вас на буксире до цели и домой доведём.

- Ладно, Петро! Смотри, сам как бы с носом не вернулся, а мы как-нибудь и сами справимся, - отвечал Родных, удаляясь к своему самолёту.

- Ну, что, Мосалев, отвёл душу? - спросил Пусэп своего помощника.

- Малость отвёл.

- Дмитриев! Как у вас там, всё готово?

- Готово, товарищ командир. Можно запускать моторы и выруливать.

- Смотри, смотри, Мосалев! Как плохо машина взлетает. Это кто же так здорово прыгает? - спросил Пусэп.

- Да это Курбан. Он всегда забирает вправо на самые канавы. А надо левее брать, вон на ту сосну, что стоит на горке, - ответил Мосалев.

- Ну, что ж, кажись всё. Пошли помаленьку, - сказал Пусэп и, сдвинув машину с места, тихо повёл ее к старту.

- Александр Павлович! Что тебе полковник Лебедев говорил? - обратился ко мне Пусэп.

- Сказал, что мы будем взлетать последними и должны будем захватить его с собой, - ответил я, раскладывая свои инструменты по рабочим местам.

На старте - полковник Лебедев с красным флажком в правой поднятой руке - запрещение взлёта.

Открыли передний люк, спустили трап.

Полковник Лебедев вошёл в самолёт и сел в штурманской кабине по правому борту на неудобной и не приспособленной к сидению жёрдочке, наотрез отказавшись от предложенного ему удобного штурманского сиденья.

- Ну, как взлетели наши лётчики? - спросил я полковника.

- Нормально.

- А с земли какими кажутся наши взлёты?

- Ужасными. Я завидую вам. Нам с земли всё кажется гораздо хуже и страшнее.

Здесь же, в полёте, полковник Лебедев разъяснил задачу, которая ставилась нашему экипажу в сегодняшнюю ночь: мы должны будем вылететь первыми в качестве разведчиков погоды, осветителей и поджигателей цели. Задача была ответственной и почётной.

Незаметно прилетели на подмосковный аэродром подскока.

Начинается привычная для всех подготовка большого корабля к дальнему боевому вылету.

Трещат храповики лебёдок, визжат стальные тросы и ролики. Бомба медленно отделяется от земли и поднимается к брюху самолёта, щёлкает замок бомбодержателя, принявшего очередную бомбу в свои крепкие объятия. Гудят моторы бензозаправщиков и по толстым шлангам гонят горючее вверх на плоскость в горловины больших баков, откуда слышно глухое рокотание выливающейся жидкости.

- Стой! Довольно! Давай в следующий бак, - кричит борттехник.

- Крути помалу! Ещё немного. Стой! - кричит техник-вооруженец, регулирующий подвеску бомб.

И для всех этих людей мир ограничен вот этим самолётом. Они не замечают, что погода начинает портиться, что за рекой в лесу рвутся бомбы, сброшенные из-за облаков вражеским самолётом, что гудит за облаками воздух моторами и пулемётной стрельбой. Для них сейчас существует одно: ненадёжнее подвесить бомбы и залить горючее по самые пробки. А о том, что предстоит лететь в тёмную ночь, в плохую погоду, куда-то к чорту на кулички, их нимало не беспокоит.

Мы же с Пусэпом мысленно были уже далеко от аэродрома. Развернув карту, мы переживали предстоящий полёт этап за этапом. Затем, предусмотрев всевозможные варианты, доходили до цели, сбрасывали бомбы и спокойно следовали домой.

Прибыл командир части. Пусэп докладывает, что корабль к полёту готов.

- Ну, если всё готово, то и вылетайте сейчас, - сказал полковник Лебедев. - Пойдёте первыми и будете доносить погоду по маршруту. Остальные корабли вылетят через час, если погода позволит. В случае же очень плохой погоды мы, возможно, ограничимся только вашим полетом. Синоптика же ничего хорошего не обещает: по всему маршруту низкая сплошная облачность, сильный ветер, снегопад с дождём, в облаках обледенение. В районе цели возможны кратковременные разрывы облачности. Ну, давайте, хлопцы, рулите за моей машиной.

Вслед за маленькой четырёхколёсной машиной Лебедева покатилась наша трёхколёсная птица.

У берега реки, где кончается бетонная полоса взлётной дорожки, обе машины остановились.

Записываю в бортжурнал: время 17 часов 30 минут, давление 756 миллиметров, температура минус 3°, ветер 320,30 км/час.

Полковник Лебедев подаёт сигнал. По движению его губ кажется нам, что он напутствует нас словами: "Ни пуха, ни пера".

Долго бежал в гору тяжёлый самолёт, и казалось конца не будет его разбегу. Тёмный лес впереди надвигался стеной. Глаза зло смотрели на указатель скорости, а правая рука делала судорожные взмахи, как бы пытаясь помочь прибору скорее дойти до цифры 150 км/час.

Упираясь во что-то твердое, ноги, выпрямляются, пружинят, руки крепко сжимают какие-то железные предметы, зубы впиваются в нижнюю губу. Трещат ветки верхушек сосен, сбиваемые колёсами. Рывок машины чуть-чуть выше. Колёса поджимаются под брюхо самолёта, и деревья слегка отделяются от самолёта. Сбавлен газ моторам, изменён шаг винта, шум моторов уменьшается и становится ровнее и привычнее.

Прижатые густыми чёрными облаками к самым верхушкам деревьев, начали мы свой полёт в осенний тёмный вечер 6 ноября.

Пламя из выхлопных патрубков мотора зайчиками играет на верхушках сосен. Один мотор изредка постреливает, самолёт вздрагивает.

- Дмитриев! - обращается Пусэп к борттехнику. - Отрегулируй второй мотор.

- Сейчас наладим. Перестанет стрелять.

- Алло! Богданов! - обращается Пусэп к нашему радисту, по совместительству заведующему всем электрохозяйством самолёта. - Почему навигационные огни не горят? Наладить сейчас же, пока по нас не открыли стрельбу свои же зенитчики.

Богданов бросает свою радиостанцию и идёт к электрощитку. Я пробую кнопки навигационных огней, и на плоскостях вспыхивают зелёные и красные лампочки.

- Александр Павлович! Ну как взлёт? Понравился? - спрашивает Пусэп.

- Ничего, Эндель Карлович! Взлёт, как будто бы, нормальный.

- А как с коленками, дрожали на взлёте?

- Немного было, Эндель Карлович, а сейчас уже прошло.

- Вот и хорошо. Как по-твоему, где будем пробивать облака?

- Следуйте под нижней кромкой облаков и при первых признаках разрывов облачности устремляйтесь наверх, к звёздам.

- Ну, счастливого вам пути, действуйте самостоятельно, а я займусь своей работой.

Я рассчитывал вести контроль пути с помощью радио, а позже, когда самолёт выйдет за облака, с помощью астрономии.

Но вдруг совершенно неожиданно самолёт всколыхнулся и бросился в сторону от своего прямого пути.

- Что это? - резко спросил Пусэп.

- Самолёт близко пролетел, - ответил кто-то.

- Алло, стрелки! Смотреть внимательно! Зарядить пушки! Не зевать! скомандовал Пусэп.

- Пушки заряжены, смотрим внимательно, зевать не будем! Только разве его, чорта, увидишь в такой темноте?

- Алло, Мосалев! Это что, обледенение началось? - спросил Пусэп.

- Да, начинается, но куда это окно делось? Всё было хорошо, а вот сейчас кругом сплошные облака.

- Александр Павлович, какова температура?

- Минус шесть. Полагаю, что большого обледенения не должно быть.

- Богданов, передай на аэродром: "Высота 2500 метров. Сплошные облака. Лёгкое обледенение. Температура минус шесть. Пробиваемся вверх".

- Эндель Карлович, у меня в коде нет "Пробиваемся вверх". Как поступить?

- Что можно - передай, чего нельзя - давай открытым текстом. Дмитриев, включи антиобледенитель на винты. Добавь моторам, - скорее выберемся из этой муры. Мосалев, держи курс точнее, а то штурман в случае потери ориентировки свалит на нас всю вину.

- Ничего, Эндель Карлович! Немножко отклонимся от курса, большой беды не будет. Вы только выбирайтесь наверх, а там поближе к звёздам исправим курс и выведем самолёт куда надо, за штурмана не беспокойтесь.

Наступила тишина. Экипаж напряжённо работает. Труднее всех воздушным стрелкам, на обязанности которых было "смотреть в оба". И они добросовестно пучили свои молодые глаза, вертели головами и пытались хоть что-нибудь увидеть и своевременно предупредить об опасности.

Температура всё понижалась. Пилоты уже натягивали меховые рукавицы и поднимали воротники. Кстати, по моим наблюдениям, раньше всех начинают мёрзнуть пилоты, они усиленно утепляются, когда ещё стрелки голыми руками сжимают рукоятки пушек, держа пальцы на спусковых курках своего орудия.

Вот и теперь наши стрелки не замечают десяти градусов мороза.

По выражению лица Богданова, освещённого светом ламп радиостанции, по его гордой позе, уверенным движениям можно было догадаться, что дела у радиста идут отлично" И если нельзя было утверждать, что у него установлена радиосвязь со всем миром, то наверняка можно предположить, что он уже знает всю биографию радиста, с которым сейчас держит связь, называет его по имени. Теперь ему ничто не помешает держать радиосвязь во

всё время полёта.

Когда у человека дело спорится, настроение должно быть хорошее. И нашего радиста мало трогает, что самолёт леденеет и идёт в густые облака, что где-то рядом шныряют немецкие самолёты. Что ему до всего этого, если у него налажена крепкая связь! Он всё узнает - и погоду, и что сегодня делается в Москве, и кто из радистов дежурит на радиоузле.

Установив связь с радиопеленгаторами, Богданов подаёт мне клочок бумажки с координатами нашего места по засечкам пеленгаторов.

Посмотрев на координаты, я красным карандашом пишу: "не верно", и возвращаю бумажку Богданову. Я вижу, что он на своем ключе говорит что-то злое, вроде "Эх, вы, растяпы, мы здесь в облаках в холоде ориентируемся лучше, чем вы в тепле и под надёжной крышей. Если вы и дальше будете нам так помогать, то лучше мы как-нибудь одни обойдёмся, без помощников".

Вскоре он получил верные координаты с тысячью извинений.

Прошло тридцать пять минут со времени взлёта. Ни одного огонька на земле, и ни одного даже клочка чистого неба! На высоте 3500 метров мы вылезли, наконец, из облаков. Температура минус 12, но я, так же как и наши стрелки, занятый своей работой, не замечал холода. Не заметил бы я и того, что самолёт вышел из облаков, если бы не голос Пусэпа, по тону которого, можно было понять, что обстановка изменилась к лучшему.

- Что, Эндель Карлович, выкарабкались уже из облаков? - спросил я.

- Да, Александр Павлович, теперь можешь и к курсу придираться и звездами заниматься. Пойдём до линии фронта с набором высоты, а там дальше немного снизимся и будем кислород экономить. А сейчас приготовить кислородные маски всему экипажу.

Южная часть неба сверкала разрывами зенитных снарядов. Местами сквозь редкие облака пробивались снопы прожекторного света. Облака обагрялись отблесками разрывов авиабомб. Небо прямо горело.

- Это что же, немцы на Москву налетели? - спросил Пусэп. - Но почему всё это так близко? Неужели мы так отклонились к югу от маршрута, Александр Павлович?

- Всё в порядке. Идём по своему маршруту. Видно, немцев к Москве не пускают, вот они и шныряют в северной части Московской области. Следите за воздухом! Как бы нам не напороться на какого-нибудь фрица...

Внезапно сильным вихревым потоком самолёт резко качнуло

в сторону.

- Стрелки, не зевать! Мосалев, давай курс кверху! Дмитриев, добавь моторам. Богданов, сообщи, что немцы летают на высоте 4500 метров, - давал команды Пусэп.

Руки делали своё привычное дело, но глаза были прикованы к той стороне, где небо сверкало к горело.

Машину ещё раз сильно тряхнуло. Мосалев, всегда отличавшийся спокойствием и хладнокровием, инстинктивно нажал правую ногу, с намерением уйти на север, подальше от опасности.

Однако удлинение маршрута в самом начале полёта в штурманские расчёты не входило. Впереди далёкий путь, и кто знает, сколько нам придётся ещё делать извилин и отклонений.

Говорю Мосалеву возможно мягче: укороти, мол, правую ногу и следи за курсом.

- Да это он так, качнуло его. вот он и сошёл с курса, - виновато ответил Мосалев, доворачивая самолёт на заданный курс.

- Почему тебя влево не отклоняет, а всё больше вправо? Вот я думаю, что у тебя правая нога длиннее левой.

- Горит, горит! - закричал кто-то из наших стрелков. - Товарищ командир, горит немецкий самолёт слева от нас, смотрите скорее, вот уже входит в облака!

Большим метеором, разбрызгивая в стороны огненные клочья, валился в облака фашистский самолёт. Облака осветились красным светом и вскоре потемнели.

- Так, есть один, - весело сказал Пусэп, - а ну смотрите, может, который ещё свалится?

Ну, теперь у наших лётчиков есть работа - пусть считают сбитые самолёты, а для меня наступило время уточнить своё место. Я оборачиваюсь к радисту, чтобы получить пеленг и координаты нашего места. Но Богданов сидит как-то непривычно прямо и обеими руками прижимает телефон к ушам. Сквозь кислородную маску не видно выражения его лица, но по напряжённой позе чувствуется, что происходит что-то серьёзное, и мешать ему сейчас нельзя. Отняв правую руку от телефона, он берёт карандаш и что-то быстро записывает на белом листе бумаги.

Ну, думаю, было бы у радиста что-нибудь для меня, то сообщил бы. Займусь пока собственной радиопеленгацией. Включаю радиополукомпас.

В эфире непонятный ералаш. На наших станциях, которые мне нужны для пеленгации, какие-то кофейные мельницы и создают такой скрежет, визг и треск, что не то что пеленговать, -

понять ничего нельзя. Немцы создают помеху. Почему раньше этого не наблюдалось, а сегодня чорт знает что творится?

Ищу в другом месте. Настраиваюсь на одну, из наших восточных станций. Но что это, что это? Слышу - знакомый, такой знакомый голос, спокойная речь. Быстро переключаю свой коммутатор и кричу:

- Эндель, переключись на мой приемник, слушай доклад товарища Сталина.

Смысл речи ещё не доходил до моего сознания. Но самый звук голоса, близкий, отчётливый, из тысячи голосов отличимый, так подействовал на меня, что тревога улеглась. Опасения отпали, и все мелочи, сопутствующие нашему сложному полёту, отошли куда-то, и погода даже как-то стала лучше - в ночной тьме стало светлее, на большой высоте теплее.

Самолёт идёт спокойно, курс ровнее. Мы уже не одни среди грозных, тёмных облаков и шныряющих кругом фашистских стервятников. С нами Сталин, вот здесь, рядом, его голос предельно ясно слышен.

"Где Сталин делает доклад? Неужели в Москве?" И я смотрю в левое окно, где небо все ещё сверкает зенитными разрывами.

Доклад окончен. Не дождавшись конца аплодисментов, бурей врывавшихся в телефон, переключаю свой коммутатор и спрашиваю радиста:

- Василий Филиппович, откуда Сталин говорил?

- Из Москвы, - ответил Богданов.

В телефоны сразу заговорили те, кто не слышал Сталина, просят рассказать содержание доклада.

Взялся за это Пусэп.

- В своем докладе товарищ Сталин сказал, что немцы сейчас стали походить больше на диких зверей, чем на людей, и что история не знает случая, когда зверь победил бы человека. Так будет и на этот раз. А теперь, ребята, давайте работать. Штурман, как там у нас дела? Не сбились ещё с пути?

- Нет, Эндель Карлович. Теперь уже не собьёмся.

- А землю хоть изредка видишь?

- Земли не видно. Да это и не важно. У меня столько всяких средств для ориентировки, что и без земли обойдёмся.

- Ну, ладно, действуй. Мосалев, больше высоты не набирай. Довольно. И так высоко забрались.

Высота 6300 метров. Температура минус 30 градусов. Над нами чашей звёздное небо.

В районе Калинина изредка видны на облаках красные пятна. Жестокая борьба должна быть, если сквозь толстый слой облаков к нам доходят отражения пожаров и взрывов!

Линия фронта со всеми её опасностями пройдена. Самолёт идёт со снижением, и уже на высоте 4000 метров весь экипаж снял кислородные маски и кое-кто даже принялся за ужин. Снимаю с радиополукомпаса пеленги, принимаю от Богданова записки с пеленгами земных пеленгаторов и всё это наношу на карту, сравниваю, уточняю, исправляю и стараюсь возможно ближе к намеченной на карте линии вывести наш самолёт.

Моя кабина освещена синим светом, и только стрелки приборов, застывшие на одном месте, блестят белыми тонкими полосками. Катушка компаса равномерно колеблется, два градуса вправо, два влево - самолёт идёт под управлением автопилота.

Работаю стоя. Столик и сиденье завалены картами, журналами, таблицами, линейками, карандашами и прочими мелочами. Привычка работать стоя выработалась у меня ещё при полётах на летающей лодке "Консолитейден", на которой в штурманской кабине возле большого морского типа стола не полагалось кресла. Приходилось простаивать по двадцать часов в беспосадочном полёте.

Тишину лишь изредка нарушаю я, объясняя экипажу обстановку полёта, да Пусэп своими распоряжениями прерывает дремоту борттехников.

А в остальном, можно сказать, на самолёте царит полный покой.

Прошли 800 километров. Полёт длится свыше трёх часов. Мы проходим район Двинска, где есть много крупных ориентиров всех родов. На этот район я возлагал большие надежды. Напрасно, облака скрывают и землю и небо. Дальше на запад, до самого моря, ни одного ориентира.

Но вот оборвались верхние пушистые облака, показались звёзды, луна. На ровных низких облаках тень самолёта побежала перед нами, как бы указывая путь следования.

Прошло четыре часа полёта. Облака во все стороны от нас, и нигде ни одного пятнышка, ни одного разрыва. Что делается внизу? Найдём ли цель?

Пусэп заводит разговоры с борттехниками насчёт остатков горючего и работы моторов. И хотя он обращается только к борттехникам, но я знаю, что всё это относится и ко мне - смотри, мол, штурман, не ошибись, не напутай.

Наступает самая ответственная пора. Приближается невидимая точка, от которой следует менять курс самолёта и выводить его на цель.

Пользуюсь всеми средствами и способами самолётовождения, вплоть до самого сложного - воздушной астрономии. Измерена высота по Полярной звезде, отсчитаны радиопеленги на

европейские станции, проложены на карте пеленги земных пеленгаторов. Хотя по всем данным получается, что самолёт отклонился к югу от своего маршрута, но нет ещё пока оснований для беспокойства.

Все ближе Балтика. Меняем курс. Остаются считанные минуты полёта до цели.

Вспоминаю признаки, по которым я когда-то в Арктике умел распознавать за облаками границу берега и моря. Но тщетно! Там был день, а здесь ночь, и облака ровные и одинаковые, что над землей, что над морем.

Как не хочется бросать бомбы из-за облаков, не видя цели! Сам-то я ещё могу быть уверен в том, что хоть часть наших бомб упадёт на цель, но экипаж? Ни один из них ничего не скажет штурману, но в душе каждого останется неприятный осадок от такого бомбометания, и виновником его буду только я.

Лётчики, чувствуя приближение к цели, ведут самолёт с набором высоты. А у меня уже созрел план пробиваться в район цели вниз, в облака, и, вызвав на себя огонь зениток, окончательно уточнить своё место и самую цель. Но как сказать об этом лётчикам, чтобы без лишних объяснений они перестали ползти вверх?

- Мосалев, погоди немного высоту набирать, у меня кислород не в порядке.

- Хорошо, Александр Павлович! Больше вверх не будем, - ответил Пусэп и добавил, - ты занимайся своим делом, а кислород тебе наладит борттехник.

- Не надо техника, мешать будет, доверните вправо десять! Кислород сам налажу.

Точка на карте приближается к цели. Мне становится всё теплее и теплее. Капельки пота скатываются из-под мехового шлема и падают на стекло авиасекстанта.

Справа на белом облачном поле виднеется какая-то тёмная полоса. Ну, так и есть. Это разрыв в облаках.

- Стрелки! Почему не докладываете, что делается снаружи? Дремлете, небось?

- Да ведь докладывать нечего, товарищ штурман, всё без перемен.

- А что случилось, что докладывать надо? - спросил Пусэп.

- Справа вижу разрывы в облаках, те самые разрывы, о которых мы мечтали, а наши стрелки прозевали.

Полоса разрывов, идущая справа под углом к нашему курсу, всё ближе и ближе. И вот я уже вижу, мигает огонек, и несколько в стороне ещё такой же огонек - береговые маяки!

На душе становится спокойнее. Для окончательной проверки

и уверенности беру ещё раз высоту Полярной и, рассчитав широту места, приступаю к ориентировке по земным ориентирам.

Вот и граница облачности. Внизу чернеет земля, сереет берег, вьётся речка.

Цель под нами! На обоих берегах реки и на островах, образуемых речными протоками, густо сверкают огоньки.

Только три ночи прошло с тех пор, как мы были здесь в последний раз и сбросили бомбы на эту же цель, а они опять сидят с зажженными огнями. Придётся им помочь затемниться.

По конфигурации реки и месту наибольшей концентрации огней намечаю три объекта, на которые сейчас начну бросать бомбы.

- Александр Павлович! Как у тебя с кислородом, в порядке? Может, ещё высоты наберём, а то как бы нам на аэростаты не напороться? - говорит Пусэп.

- Не надо больше высоты! Вправо двадцать! Аэростатов здесь нет. Если бы были, так город затемнили бы, - сказал я, устанавливая исходные данные для бомбометания.

- Что же они огней не тушат и не стреляют? Может, это не Данциг? усомнился Пусэп, как в прошлый раз Водопьянов.

- Данциг! Данциг! Товарищ командир, это наша цель. Я хорошо её вижу, быстро проговорил Федорищенко.

Прильнув, глазом к прицелу, держа большой палец правой руки на боевой кнопке, спокойно и тише обычного подаю лётчикам команду, навожу самолёт на самый центр огней на левом берегу реки.

Только бы не потушили огней раньше времени.

Нажимаю кнопку. Восемь бомб одна за другой отделяется от самолёта.

- Вправо девяносто! Возможно быстрее! - подаю команду в надежде сбросить бомбы на другой объект до того, как внизу погаснет свет.

Быстро одна за другой рвутся бомбы, вспыхнул, разгораясь, большой пожар. В этом месте гаснет электричество.

- Загорелось! Пожар большой! - кричит кто-то из экипажа.

- Так держать самолёт! Ровнее держите, не болтайте, сейчас ещё бросаю.

В кружок прицела вошла вторая цель. Нажимаю кнопку - падают бомбы. Вспыхнул прожектор, и ещё один, и ещё несколько. Засверкали вспышки зениток снизу и разрывы снарядов возле нас.

- Хорошо бомбим! Отлично бомбим! - кричит Мосалев, которому сквозь раскрытые бомболюки видно всё, что делается внизу.

- Стрелять начинают крепко, - говорит как бы про себя Пусэп. Александр Павлович! Ну как, всё закончил, можно топать?

- Сейчас, Эндель Карлович, заканчиваю, вот только сбросим на правый берег, где ещё электричество горит, потушим его и тогда можно домой итти.

Чернеет левый берег. Стреляют зенитки. Шарят по небу прожекторы. А правый берег освещён так, что ясно кварталы вырисовываются. Ещё бы несколько секунд потерпели! Я вспоминаю план города, изученный мною перед полётом. Так и есть. Здесь рядом завод и электростанция.

Ну, теперь можете тушить, бомбы найдут свою цель и в темноте.

Свет внизу погас одновременно с разрывом бомбы, и настолько быстро, что все стрелки на самолёте в один голос закричали:

- В электростанцию попал. Ну, теперь затемнили!

С падением последних бомб вся ПВО Данцига была пущена в ход. Стрельба поднялась жестокая. Прожекторов появилось так много, что они местами создавали сплошные световые поля. Но нам в ту ночь просто везло. Безнаказанно, спрятавшись за ближние облака, помаленьку мы пошли домой.

Истекал шестой час полёта. Попутный ветер помогал быстрее проходить обратный путь.

Стрелки вслух подсчитывают число пожаров и взрывов. По их подсчётам, пожаров, прожекторов и зениток получается больше, чем я видел. Но это уже обычное, присущее всем стрелкам. У себя в бортжурнале я записал только то, что сам видел, что сам подсчитал, как в вахтенном журнале Витуса Беринга, на лицевой стороне которого было написано: "Пишем, что видим, чего не видим, того не пишем".

Долго ещё после отхода от цели на облаках отражалось зарево пожара от наших бомб. Но потом зарево скрылось, и мы остались одни над безбрежным океаном.

На корабле установилась тишина. Страсти остыли. Каждый занимается своим делом. Кому нечего делать - пьёт чай или думает о чём-нибудь, предвкушая радость посадки на своём аэродроме, праздничный ужин в столовой, оживлённые расспросы товарищей... Все спокойны и уверены, что самолёт придёт на свой аэродром. Для нас, полярников, ледовых разведчиков, война становилась уже привычной работой.